Ольга БЭЙС
СЛИШКОМ ОСТРАЯ ПИЦЦА
ДЕТЕКТИВНЫЕ ПОВЕСТИ
ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Ольга Бэйс

Слишком острая пицца (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3748535

Аннотация

В сборник вошли повести Ольги Бэйс "Слишком острая пицца", "Тайна Дженни Перлин", "Смерть богатого человека" и "Сюжет", написанные в жанре классического детектива.

Содержание

Слишком острая пицца 4
Достойное завершение этого дня 5
Лирическое отступление 8
Художник Роберт Гретт 10
Факты и версии 15
Несколько слов о джазе 17
Французский салат 20
Элеонора Стренд 26
Элизабет Грей 28
Наследство Портеров 33
Тони Фатмер и Ори Стентнер 34
Рабочая версия и новые факты 35
Ори Стентнер 36
Роберт Гретт и Моник Саммерс 37
Тони Фатмер 39
Развязка 41
Из личной жизни детектива 46
Тайна Дженни Перлин 48
Краткое предисловие***или***Опять этот «Экстроподиум» 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Ольга Бэйс
Слишком острая пицца (сборник)

Слишком острая пицца

Все началось с неудач. Я бы назвала тот день черным понедельником, если бы главное зло не произошло во вторник и среду. Утром именно понедельника я обнаружила, что у меня закончился кофе. Может, для кого-то это мелкая проблема, но для меня – почти трагедия, так как, не выпив чашечку этого жизненно необходимого напитка, я не могу выйти из дома. А как можно, не выходя из дома, купить кофе?

Меня могла бы, как бывало не раз, выручить соседка, но ее не оказалось дома. Пришлось преодолеть свои комплексы, привести себя в порядок и топать в "супермаркет", благо он рядом. Но неприятности продолжали преследовать меня. У самой кассы я обнаружила, что забыла дома кредитку, а наличных у меня не было уже почти неделю.

В каком настроении я появилась в своей конторе, объяснять нужно только тому, у кого ни разу в жизни день не начинался таким образом.

Ари принес и положил мне на стол приличную пачку писем, среди которых преобладали счета.

После полудня у моего секретаря заболел зуб, и мне пришлось отпустить Ари к врачу. До вечера просидела в своей конторе совсем одна, настроение упало окончательно. Я поняла, что если немедленно не начну себя спасать от хандры, следующий день может оказаться еще хуже.

Достойное завершение этого дня

Как может улучшить свое настроение женщина? Купить что-нибудь из одежды или косметики? Этот вариант мне был не по карману, да и по магазинам я не люблю ходить. Тогда послать к чертям диету! Вот это вполне доступно. Можно получить удовольствие, не выходя из конторы, если по телефону заказать пиццу. Так я и решила. На моем столе пару дней валялась рекламная открытка сети пиццерий «Патриссия» Так что не нужно было даже доставать телефонный справочник.

Через двадцать минут аромат свежеиспеченной пиццы не только возбуждал мое воображение, но и вызывал зверский аппетит. Пицца была круглой, аккуратно рассеченной на четыре живописных и ароматных куска. Я взяла из холодильника баночку апельсинового сока, поставила ее на стол, чтобы сок немного согрелся, и приступила к еде.

Мне пришлось так подробно описывать начало трапезы, потому что все остальное я помнила весьма смутно. Если верить комиссару Катлеру, съела я очень немного. Видимо, это и спасло мне жизнь, так как продолжение этой истории для меня ассоциируется с больничной палатой.

Первое, что я увидела, открыв глаза, был обычный круглый светильник, который меня по-настоящему озадачил. Все мои мыслительные способности сосредоточились на том, чтобы понять, что это за предмет, и почему он висит над моей головой. Эта задача, с блеском решенная моим вернувшимся к жизни интеллектом, помогла мне осознать, что я, слава Богу, жива.

События, начисто стертые из моей памяти, были мне описаны комиссаром полиции Эриком Катлером. Оказывается, перед тем, как потерять сознание, я все же успела ему позвонить. Поскольку я проговорила что-то не совсем внятное и очень странным голосом, комиссар, бросив все, примчался в мою контору – к счастью, вовремя. Он сразу сообразил, что оставшуюся пиццу нужно отправить на экспертизу. Результат оказался весьма интересным: обнаружили довольно редкий яд, вернее, в определенных дозах это даже не яд, а скорее наоборот. Аэролизин применяют при острых приступах астмы. В том количестве, которым была напичкана злополучная пицца, лекарство становится убийцей. Так впервые в своей жизни я из детектива превратилась в потерпевшую, а расследованием покушения на мою драгоценную жизнь занялась полиция в лице уже упомянутого комиссара.

– Послушайте, коллега, как получилось, что вы не почувствовали странный привкус, который наверняка был у этой чертовой пиццы? – начал разговор Эрик, устраиваясь в кресле, стоявшем возле моей кровати.

– Было столько острой приправы, что для того, чтобы почувствовать привкус, нужно было сначала утолить первый голод...

– Вы заказывали все эти приправы?

– Хороший вопрос, комиссар... Нет, я заказывала классический вариант, но это значит, что мне доставили не мой заказ! Против острых приправ я, в принципе, не возражаю, но я их не заказывала, это точно!

– Тогда, возможно, отравить хотели вовсе не вас, – вполне логично предположил комиссар.

– Это меня радует, – прокомментировала я и тут же объяснила, – значит, эта неудача не из моего жизненного сценария.

– Если это способно вас порадовать, скажу, что вычислить счастливчика будет несложно.

– Да, возможно, он даже скажет, кто так жаждал прекратить его земное существование. Впрочем, если действительно замышлялось убийство, а не шалость, то мой опыт подсказывает, что способ был явно не проверенный.

– Возможно, вам просто повезло? – эта реплика комиссара окончательно вернула мне хорошее настроение.

* * *

Когда я покинула, наконец, больницу и появилась в своей конторе, то была приятно удивлена той неподдельной радостью, с которой встретил меня Ари. Вскоре меня навестил и Дэвид, в больницу ко мне никого не пускали по распоряжению полиции.

– Если бы кто-то захотел тебя убить, сомневаюсь, что он выбрал бы такой сложный и ненадежный способ, – Дэвид начал разговор, как всегда, минуя обмен приветствиями. – Скажи, когда ты в последний раз заказывала пиццу, если не считать нынешнего печального события?

– Не помню...

– Вот именно! Каким же провидцем надо быть, чтобы предвидеть, что именно в этот день ты закажешь пиццу, причем именно «Патриссию»! – горячился мой друг.

– Да никто всерьез и не рассматривает этот вариант, – попыталась я его успокоить.

– Тогда почему меня к тебе не пустили? – еще больше возмутился он.

– Пустая формальность, меня продержали там всего три дня, – улыбнулась я, пытаясь показать, что действительно ничего особенного не происходило.

– Три дня! Не три, а пять. Три дня тебя только под капельницей держали! Да я с ума тут сходил!

– Ты преувеличиваешь, – примирительно проговорила я, но мне было приятно.

– А полиция что-нибудь уже знает? По крайней мере, можно было уже выяснить, кто доставил заказ.

– Я жду комиссара Катлера с минуты на минуту.

Вскоре мы действительно знали все, что удалось установить официальному следствию.

– Как вы себя чувствуете, коллега? – поинтересовался Эрик, входя в мой кабинет.

– Замечательно, комиссар, словно только что появилась на свет, – бодро ответила я.

– Рад это слышать. Ну, а нам уже удалось кое-что выяснить. Правда, того, кто покушался на вашу жизнь, мы пока еще не нашли.

– Я все же думаю, что покушались не на мою жизнь, вот и Дэвид так считает…

– Это, конечно, здравое суждение, но пока мы рассматриваем все возможные варианты.

– Судя по всему, даже фантастические, – проворчал Дэвид, – а можно узнать то, что уже называют фактами?

– Можно, но их не так уж много. Пиццу доставлял некий Тони Фатмер, студент-математик, подрабатывающий в пиццерии во время каникул. Он действительно мог перепутать заказы, так как его ящик, в который были сложены коробки, оказался плохо закрепленным на багажнике его мотороллера. Когда парень резко затормозил, ящик упал, и коробки рассыпались. Тони не мог с уверенностью сказать, что после этого уложил их в прежнем порядке – по списку с адресами, выданными ему для развозки.

– И часто у них путают заказы? – спросила я.

– Ошибки случались и раньше, по разным причинам, иногда клиенты жаловались, но это были мелкие неприятности. Клиенту делали подарочную пиццу по персональному заказу, и этого было достаточно, чтобы закрыть проблему.

– Я так понимаю, что выяснилось еще что-то интересное?

– Сравнительно легко удалось установить, по какому адресу должны были доставить очень острую, с большим количеством приправ, пиццу, – продолжил свой рассказ Эрик Каттлер.

И тут меня ждал сюрприз. Адрес мне, конечно, ни о чем не сказал, но имя было мне хорошо знакомо. Потенциальной жертвой покушения мог быть Роберт Гретт, художник издательской фирмы «Папирус»!

– Ты знаешь его? – отреагировал Дэвид на мое удивление.

Лирическое отступление

Мне придется рассказать о событиях, вспоминать которые не очень хочется. Поскольку они откроют читателю страшную тайну. Мэриэл Адамс тоже когда-то была юной идиоткой, мечтающей об идеальной любви и прекрасном принце. Все это было очень давно, во всяком случае, если опираться на мое ощущение времени.

Я только окончила школу, мои планы на будущее были весьма неопределенными. Я понимала – нужно учиться, чтобы получить профессию и обеспечить, таким образом, себе независимость, без которой, как известно, нет ни материального благополучия, ни самоуважения. Так меня приучили думать родители, и пока я не вижу доказательств того, что они были не правы. Но сам процесс обучения мне порядком надоел. Мне было семнадцать, и этим тоже сказано, если не все, то многое.

Именно тогда в моей жизни появился ОН в лице гениального художника Роберта Гретта. Конечно, гениального! В моем представлении любой человек, сумевший при помощи красок изобразить на холсте нечто более сложное, чем оконная рама, был гениален. Впрочем, это был именно художник, потому, что коварное чувство настигло меня в картинной галерее. Если бы в этот момент я находилась в концертном зале, это вполне мог быть музыкант. Мне вообще присущи трепет и преклонение перед талантами, видимо потому, что сама я не способна ни нарисовать упомянутую выше оконную раму, ни воспроизвести мелодию сложнее классического шедевра типа «В лесу родилась елочка…».

Мы познакомились с Греттом на выставке его работ. Он скучал, рассматривая редких посетителей, блуждавших по выставочному залу. Тут его взгляд, видимо, и наткнулся на трех девчонок, которые стояли у одной из картин. Потом Робби говорил мне, как поразился тому, что мы выделили своим вниманием лучшую картину. Сейчас я знаю: это был обычный треп, но тогда была польщена, причем значительно больше подруг. Думаю, поэтому я и стала главной жертвой. Возможно, жертва – это слишком громко сказано, но по сути того, что произошло позднее, верно. Если вы ждете душещипательной истории о совращении юной девственницы, то мне придется вас разочаровать. Мы с Робертом погуляли по вечернему городу, поговорили о живописи, о жизни, о любви. Вечер был прекрасным и незабываемым. Потом Робби написал мне несколько писем, трогательных и романтичных. До настоящего свидания дело не дошло, так как мои наивные и весьма эмоциональные письма попали в руки жены героя моих грез. То, что я получила от Эммы Гретт, нельзя было назвать примером изящной словесности. Впрочем, сейчас я бы отнесла это к разряду учебной литературы, так как это злобное послание разгневанной женщины отучило меня раз и навсегда верить искренним и задушевным словам мужчины.

Воспоминания пронеслись в моей голове легким ураганом, и тут я поняла, что Дэвид меня о чем-то спросил и, видимо, ждет ответа.

– Мне показалось знакомым это имя, – не совсем искренне ответила я.

– Мы уже знаем об этом господине кое-что, и не только в связи с нашей кулинарной драмой, он был допрошен полицией совсем по другому делу, – неожиданно сообщил комиссар. – Но это покушение заставляет меня переосмыслить наши факты и выводы из них.

– Может, я могу кое-что узнать от вас, или это закрытая информация? – на всякий случай поинтересовалась я.

– При других обстоятельствах, в интересах следствия... Но вас ведь можно считать потерпевшей, да и ваш друг уже многое знает, ведь об этом случае писали газеты, – усмехнулся комиссар.

– То-то мне показалось это имя знакомым! Конечно! Это художник, которого подозревают в убийстве фотомодели! – тут же воскликнул Дэвид.

– Обвинение ему не предъявлено, но факты не в его пользу, – осторожно заметил Катлер.

– Тогда я хотела бы знать факты, тем более, что, по-видимому, они не известны только мне, – раздражено заметила я.

– И всем остальным оригиналам, которые не читают газеты, – не удержался от шпильки Дэвид.

Художник Роберт Гретт

Гениального художника, судя по всему, из Робби не получилось. Во всяком случае, кроме меня, никто его таковым не признал. Поэтому ради хлеба насущного Гретт занимался вещами, вполне приземленными и, слава Богу, полезными. Он разрабатывал дизайны рекламных кампаний. Нужно сказать, что в этом деле он был даже по-своему знаменит.

В тот период времени, о котором идет речь, Роберт работал для издательского дома «Папирус» над рекламным проспектом новой книжной серии. Серия была посвящена достаточно модной теме: жизнь в виртуальном пространстве. Авторские идеи Гретта всегда отличались простотой и точностью, что делало его дизайнерские находки незабываемыми. Для этой работы ему нужен был подходящий женский образ. Ему нужна была героиня. Он пересмотрел тысячи фотографий и видеороликов, прежде, чем увидел Моник Саммерс, начинающую фотомодель, которая хорошо вписалась в образ, создаваемый Греттом. Он нашел ее по картотеке того же «Папируса», поскольку девушка числилась в штате издательства. Раньше Гретт и Моник никогда не встречались, да и в связи с этой работой встретились лишь дважды до того рокового дня.

Моник жила одна в небольшой двухкомнатной квартирке на окраине Сент-Ривера. Ее доходы были еще очень скромными, но она не бедствовала. Соседи отзывались о ней, как о девушке спокойной и приветливой. Никто не замечал, чтобы ее посещали подруги и, тем более, мужчины. Впрочем, снимала она эту квартиру всего пару месяцев.

Я отравилась в понедельник, а в среду, то есть через день, некий страховой агент обходил дом, в котором жила Моник, в поисках новых клиентов. Он увидел, что дверь одной из квартир открыта, позвонил, но никто не откликнулся. Разумеется, агент забеспокоился. Будучи человеком, достаточно разумным, он не стал входить в квартиру, а вызвал полицию, которая и обнаружила Моник лежащей на ковре рядом с небольшим диванчиком. Девушка была мертва уже пару часов. Ее убили выстрелом в затылок. Пистолет лежал рядом с ее правой рукой, но, учитывая положение раны на голове, говорить о самоубийстве не имело смысла. То, что пистолет был брошен на месте преступления, на первый взгляд, свидетельствовало о неопытности преступника. Любой, даже самый наивный читатель детективов, знает о тех возможностях, которые открываются перед следствием благодаря обнаружению орудия убийства. Только это обстоятельство пока и удерживало полицию от предъявления обвинений Роберту Гретту. Пистолет принадлежал именно ему. Ну, трудно себе представить, чтобы, решившись на убийство, художник отставил бы на месте преступления такую улику. Против Гретта было достаточно и других улик, его видели в тот день на улице, где произошла трагедия, он же уверял, что не знает, где живет Моник, а на этой улице навещал приятеля. Однако адрес приятеля назвать отказался. Кроме того, трое свидетелей заявили, что слышали, как Моник и Гретт ссорились за два дня до смерти девушки. Все эти факты лишь косвенно указывали на художника. Но покушение, жертвой которого невольно стала я, не вписывалось ни в версию о виновности, ни в версию о полной непричастности Гретта. Оно вообще ни во что не вписывалось. Зачем кому-то понадобилось убивать художника, да еще таким ненадежным способом? Если убийца имел отношение к пиццерии (иначе он просто не смог бы заправить пиццу ядом), то он не мог не знать, что заказы иногда путают.

Я не удержалась и позвонила Роберту Гретту. Его голос, как ни странно, узнала с первого невнятного «Алло»

– Здравствуйте, Роберт, – начала я разговор, – мы знакомы, но я не уверена, что вы меня помните.

– И, тем не менее, я узнаю ваш голос, – не думаю, что Робби сказал правду, но как знать.

– Мое имя – Мэриэл Адамс.

– Мэриэл! – в этом возгласе прозвучала искренняя радость, что увеличило мое желание помочь Гретту.

– Я предлагаю вам воспользоваться услугами моего детективного агентства, – проговорила я, стараясь сохранить в своем голосе официоз.

– Хорошая идея, только по карману ли мне услуги частного детектива в нынешних обстоятельствах?

– Я не стану брать с вас деньги вперед!

– Ну, разве что, – он явно усмехнулся.

Я ничего не сказала ему о злополучной пицце. Просто сказала, что могу попытаться ему помочь. В конце концов, у меня были финансовые проблемы, и клиент мне не помешал бы.

* * *

Понятно, что мое вмешательство в это дело было предопределено. Я попала в водоворот таких странных событий вовсе не по своей воле. И мне до сих пор не дают покоя мысли: как бы развивались события, если бы я не была знакома с Робертом Гретом, если бы я не позвонила ему сама, если бы он не рассказал мне то, что сознательно скрывал от полиции? Видимо, это была бы совсем другая история. Однако, я позвонила, и Гретт появился в моей конторе.

Минутную неловкую паузу первым нарушил Робби.

– Ты почти не изменилась, только похорошела, – произнес он, наконец.

– А ты, похоже, не утратил формы, комплимент все еще на вооружении, – я, конечно, съязвила, но лишь самую малость.

– Это не комплимент, ты действительно выглядишь потрясающе, – тон был предельно искренним.

– Допустим, но ты ведь не для того пришел сюда, чтобы говорить о моей внешности?

– Скажем, не только для того, – он грустно улыбнулся.

– Перейдем к делу?

– Как знаешь. Ты, как я догадываюсь, уже в курсе того, что случилось с Моник Саммерс? Знаешь, конечно, что я – главный подозреваемый?

– Более или менее. Серьезных улик против тебя нет... – заметила я.

– Дело не в этом, я хочу получить у тебя совет, – неожиданно заявил Робби, – есть информация, которую я не сообщил полиции, и я не знаю, как с ней поступить. Я действительно был на той улице, но не знал, что Моник снимает там квартиру, поверь мне, пожалуйста.

– Почему бы тебе не назвать адрес, по которому ты там был? – искренне удивилась я. – Возможно, это обеспечило бы тебе алиби.

– В том-то и дело, что совсем наоборот! Я был в том же самом доме, понимаешь?

– Да, ситуация не из приятных. Но ты ведь был не один, или, – вдруг догадалась я, – ты был не у приятеля, а у приятельницы, и теперь боишься гнева своей супруги больше, чем обвинения в убийстве?

– Я думал, что ты знаешь обо мне больше. Я давно уже свободный человек. Мы расстались восемь лет назад, – сообщил Гретт, – я пытался тебя найти, но знал только фамилию и имя, да еще старый адрес, – зачем-то добавил он.

– Только не говори, что с женой ты расстался из-за меня, – произнесла я очередную смесь банальности и глупости.

– Нет, конечно, наш брак с самого начала был жуткой дурью, а ты была слишком юной, чтобы понять. Я просто не хотел, чтобы ты считала меня подонком.

– Что же ты сразу мне все не объяснил? Ждал, пока я подрасту?

Вы можете мне не поверить, мой читатель, но обида в моем голосе удивила и меня саму.

Я чувствовала, что ввязываюсь в ненужный и дурацкий разговор, но меня понесло. До сих пор стыдно вспоминать то, что я тогда говорила, но, может, в этом и был какой-то смысл, ведь Роберт доверял мне, и нужно было выплеснуть старую обиду, чтобы она не мешала делу. Кроме того, это заставило Гретта увидеть во мне человека, который вовсе не желает ему зла. Когда мы опять вернулись к тому, ради чего встретились, я узнала весьма любопытный факт.

– Ты права – я был у женщины, но это не какая-нибудь интрижка, у нас чисто деловые отношения, – как ни странно, я ему поверила, – просто не хочется еще и ее в это впутывать. К тому же, она не может подтвердить мое алиби, так как почти два часа я был в ее квартире один. Работал за ее компьютером, заболела голова, и я решил на несколько минут оторваться от экрана. Встал и подошел к окну и тут увидел ее.

– Кого?

– Моник. Она вышла из дома с большим чемоданом, села в такси и уехала.

– Ты уверен, что это была она? – я понимала, что сейчас выяснила очень важный факт, но на фоне того, что произошло на самом деле, этот факт выглядел или фантастикой или ложью.

– Теперь, понятно, уже нет, – вынужден был признать Робби, – ведь я знаю, что ее убили, но тогда я не сомневался, что это она.

– Послушай, это ведь убийство, – решительно заговорила я, – Убита девушка. Убита из твоего пистолета. Ты, возможно, располагаешь очень важной информацией, мы не имеем права скрывать ее от полиции – ни ты, ни я. Я понимаю, ты растерялся, испугался. Но подумай сам: если окажется, что женщина, которая вышла из дома, где было совершено преступление, имеет отношение к этим событиям, можно будет выйти на след истинного убийцы. Давай поедем к комиссару Катлеру, который ведет это расследование. Он прекрасный человек и замечательный полицейский. Он вовсе не заинтересован в том, чтобы засадить за решетку невинного человека.

– Поеду, – вдруг согласился Гретт, – если ты скажешь, что веришь мне. Правда, Мэриэл, для меня очень важно это знать.

– Я тебе верю, я ведь не идиотка. Чтобы придумать такую историю, нужно воображение, а откуда оно у тебя, если... – у меня чуть не вырвалась очередная глупость, – ладно, поехали.

Не прошло и получаса, как мы уже сидели в кабинете Катлера. Робби успокоился. Видимо, ситуация действительно его измотала. После того, как он все рассказал, ему явно стало легче. Комиссар, как и я, отнесся с доверием к тому, что сообщил художник, но это еще больше все запутало. Кроме того, осталось несколько неясных моментов, которые мы могли прояснить прямо сейчас, это были вопросы, связанные не только с убийством модели. Нам нужно было понять, почему кто-то покушался на Роберта Грета? Да и покушался ли? На него ли? Связано ли это с убийством Моник? В этом деле было слишком много фактов, казавшихся бессмысленными. Например, если Гретт случайно оказался в доме, где убили Моник Самерс, то как на месте преступления оказался его пистолет? Если Гретта кто-то хотел подставить, то откуда он знал, что художник будет в это время там, если сам Робби об этом не знал?

И тут я вдруг подумала о том, что Робби ничего не знает про злополучную пиццу!

– Комиссар, вы разрешите задать господину Гретту несколько вопросов? – дипломатично начала я.

– Задавайте, но не забудьте, что свидетелю пока неизвестны факты, связанные с покушением.

– Каким покушением? – заволновался Робби.

– Нам тоже пока известно немногое, – поспешила вставить я, чтобы не упускать инициативу. – Я хочу задать вопрос, который может тебя поначалу удивить, но потом я тебе все объясню. Скажи, ты любишь пиццу?

– Пиццу? – удивился Робби.

– Да.

– Не то чтобы это было моим любимым блюдом, но иногда я очень даже не против. Особенно мне нравится...

– Пицца «Патриссия», – подсказала я.

– Да, там для меня делают особый заказ, но какое это имеет значение?

– Ты не можешь об этом своем заказе рассказать поподробнее? – спросила я, игнорируя его удивление.

– Пожалуйста, только мне все же непонятно... – Робби недоуменно посмотрел на комиссара, – ну, хорошо. Примерно полгода назад я принимал участие в подготовке рекламного шоу, организованного сетью пиццерий «Патриссия», и менеджер этой фирмы пообещал, что каждую неделю в течение года я буду получать пиццу, приготовленную именно так, как я люблю.

– То есть с большим количеством острых приправ, – опять не удержалась я от искушения показать свою осведомленность.

– Да. А что, собственно, случилось?

– Когда ты получил свою пиццу в последний раз?

– В понедельник, но...

– Что «но»?

– Мне привезли совсем не то, что я заказывал, хотя дареному коню, как говорится...

– Ты не стал жаловаться, как я понимаю?

– Я же говорю...

– Что ж, – обратилась я к Эрику, – вы разрешите мне объяснить господину Гретту смысл вопросов?

– Да, я думаю, он должен знать, ведь попытку могут повторить, – согласился комиссар.

– Что вы все загадки загадываете! – вдруг занервничал Гретт. – Объясните, наконец, при чем здесь мои кулинарные предпочтения?

– Дело в том, Робби, – я старалась, чтобы мой тон был успокаивающим, – что заказы перепутал парнишка, который развозил пиццу.

– Это понятно, но почему это так волнует полицию? – продолжал недоумевать Гретт.

– Твой заказ доставили по ошибке в мою контору, я тоже в понедельник вечером решила заказать «Патриссию».

– Тебе привезли мою пиццу? Вот это совпадение! А я удивился, что ты так хорошо знаешь мои вкусы, – на несколько секунд Роберт отвлекся от своих страхов и недоумений.

– Если бы ты съел то, что было приготовлено для тебя, мы бы сейчас с тобой не разговаривали. – наконец, произнесла я главное.

– Что ты хочешь этим сказать? – еще больше удивился Гретт.

– Я, между прочим, только сегодня выписалась из больницы, где находилась по причине тяжелого отравления после того, как съела очень небольшой кусочек предназначенной тебе острой пиццы, – наконец завершила я свои откровения.

– Но этого не может быть, кому это нужно?! Да и как?

– На эти вопросы мы и ищем ответы, – вклинился, наконец, в нашу беседу Катлер.

Он перехватил инициативу и начал задавать свои вопросы, которые, если честно, я уже просто не слушала, как и ответы на них. Мои мысли ушли в сторону от того, о чем сейчас вел речь комиссар.

Пока беседа продолжалась без моего участия, я могла обдумать полученную информацию. Меня беспокоил вопрос о выборе яда. Почему именно аэролизин? Ведь человек, используя это лекарство, должен был знать о его свойствах. Может, он врач? Или страдает астмой и поэтому знает этот препарат?

– Послушай, Робби, – не помню уже, кого из двух мужчин я прервала таким образом на полуслове, – ты знаешь, что такое аэролизин?

– Да, – почему-то смутившись, ответил Гретт, – я принимаю это лекарство уже лет пять, но при чем здесь моя астма?

– Вот как?! – воскликнула я, обращаясь к комиссару. – Но это совсем бред! Почему тогда именно этот препарат избрали в качестве орудия убийства? Ведь наверняка у Робби реакция на его действие значительно слабее!

– Меня пытались отравить аэролизином? – Гретт произнес это напряженно, словно мысли его зацепились за какое-то важное воспоминание.

Я это сразу почувствовала и даже практически догадалась в тот момент, о чем он подумал. Но мне нужно было, чтобы Робби назвал имя.

– Ты кому-то недавно говорил, что принимаешь это лекарство? – показала я, что улавливаю направление его мыслей и воспоминаний.

– Вот именно, причем сказал ему, что эти таблетки из спасителя могут легко превратиться в убийцу, достаточно превысить дозу, например, в три раза.

– А этот парень себя явно подстраховал, – прокомментировал комиссар. – В лаборатории сказали, что в пицце было, как минимум, две упаковки аэролизина.

– Нам пора услышать имя человека, с которым Робби поделился информацией, – перевела я разговор на главное.

– Да откуда я знаю это имя? Мне стало плохо в мастерской, я попросил парня, который в это время готовился к съемкам, чтобы он мне подал упаковку с таблетками, которая всегда лежит в ящике моего стола. Одна упаковка у меня обычно в кармане брюк, но в этот день я забыл ее дома. Для таких случаев у меня в столе есть запас.

– Ты хочешь сказать, что это был... не знаю, как вы называете мужчин этой профессии... – замялась я.

– Так же, как и женщин, он действительно пришел пробоваться, но я его отбраковал. – объяснил Робби.

– И за это он решил тебя отравить? Чушь! – в сердцах воскликнула я, – и где его теперь искать? Ведь это он мог поведать твоему врагу...

– Какие у меня враги? А имя можно выяснить у секретарши. Она регистрирует все пробы... – успокоил нас Гретт.

Факты и версии

– Итак, коллега, подведем первые итоги, учитывая то, что сообщил ваш приятель, – обратился ко мне Эрик, когда Роберт покинул кабинет.

– Он мне не приятель, а всего лишь предполагаемый клиент, – пожалуй, излишне нервно возразила я.

– Ну-ну... Не всякого клиента вы станете называть Робби, даже если он и представится вам Робертом.

– Не стану спорить, мы были знакомы с Греттом раньше, но это было давно, мы с ним не виделись больше десяти лет, – оправдалась я и почувствовала, что краснею.

Комиссар не стал углубляться в эту тему и перешел к фактам и вопросам.

– Что мы знаем о покушении на вашу жизнь? Первое, что можно сказать с большой степенью вероятности – то, что вы отравились по ошибке. Получили отравленную пиццу вместо Гретта. До этого момента все вроде вполне логично и понятно. О том, что Гретт принимает аэролизин, а заодно и об опасных свойствах этого лекарства, знал некий Икс, имя которого мы, впрочем, можем узнать у секретарши рекламного отдела издательской фирмы «Папирус». Что касается убийства Моник Саммерс, то тут мы не продвинулись ни на шаг, новый факт все только запутал. Пистолет нам тоже не слишком помог. Хранил его Гретт в ящике стола в мастерской. Не заряженным. Когда был похищен, неизвестно.

* * *

Следующий день принес сразу несколько сюрпризов, но о главном лучше рассказать подробнее. Утром мы собрались в полицейском управлении, поскольку именно туда стекалась информация по делу.

Мы узнали имя парня, которому Гретт рассказывал про свое лекарство. Его звали Ори Стентнер. Комиссар решил пригласить Стентнера в управление, так как времени ездить по городу не было, а поручить разговор кому-нибудь другому Катлер не хотел. Робби пришел в управление, так как должен был подтвердить, что найденный нами господин Стентнер – именно тот человек, о котором он, Роберт Гретт, нам рассказывал.

Но в кабинете комиссара появился еще и Дэвид с очень интересной новостью: в Мервике скончался один из самых богатых людей в мире, Чарльз Криз. Он умер своей смертью в окружении близких и в том почтенном возрасте, когда смерть ни у кого не может вызвать подозрений. Это событие не заставило бы Дэвида разыскивать меня с самого утра, если бы не одно обстоятельство. Завещание было уже обнародовано, и его текст попал в газеты, поскольку оно было не совсем обычно. Господин Криз был бездетным вдовцом, но у него остались две сестры, а также восемь племянников и племянниц. Свое состояние он разделил почти на равные части между наследниками. Таким образом, после его смерти эти люди стали весьма состоятельными. Но самым главным было то, что среди наследников оказалась и Моник Саммерс. Странное совпадение, но зачем убивать девушку? Доля каждого из получателей завещанных денег, конечно, возросла после ее смерти, но стоило ли ради этого идти на убийство? Не думаю, что это приемлемый мотив. Так или иначе, ситуация теперь выглядела еще более бессмысленной.

Мы бурно обсуждали эту кашу из фактов, когда комиссару доложили, что его срочно хочет видеть молодая женщина. Она располагает, по ее словам, важной информацией по делу об убийстве Моник Саммерс.

Когда посетительница вошла в кабинет, мы сразу поняли, что информация будет необычной, так как девушка была почти неотличимо похожа на убитую Моник. Если она

хотела произвести на нас впечатление, то это, несомненно, получилось. После несколько затянувшейся паузы первым заговорил комиссар.

– Назовите, пожалуйста, ваше имя.

– Моник Саммерс, – спокойно ответила девушка, но, правильно оценив момент, продолжила, – убитая очень похожа на меня, так как мы с ней двоюродные сестры, она дочь сестры моего отца, звали ее Джейн Портер. Нас путали с детства. Не знаю, как все получилось, но готова ответить на ваши вопросы.

– Расскажите все, что было в тот день, когда вы уехали, и чем был вызван ваш внезапный отъезд, – опередила я Катлера.

– Хорошо. Утром я получила СМСку от мамы, в которой она просила меня приехать к дяде, так как его состояние уже не оставляло сомнения в том, что скоро наступит конец. Я хотела, но не смогла сообщить о своем внезапном отъезде господину Гретту, у него не отвечал телефон, и где его искать, я не знала. Позвонила секретарю, но ее не было на месте. Трубку никто не брал очень долго, а я боялась не успеть на самолет. Я заказала такси, и тут появилась Джейн. Мне показалось, что она обрадовалась, когда узнала о моем отъезде. Я думала, что она проводит меня в аэропорт, по дороге мы поболтаем, мы очень давно не виделись. Но она сказала, что у нее есть срочные дела в Сент-Ривере, и попросилась пожить в моей квартире дня три. Я, естественно, не возражала. Когда прибыло такси, мы попрощались. Она была жива, – голос Моник дрогнул.

Тут меня посетила первая стоящая мысль, и я задала вопрос комиссару:

– Кого приглашали для опознания тела убитой?

– Мы связались с полицией Мервика. Там сказали, что госпожа Саммерс не сможет приехать, так как печальные события в ее семье очень подорвали ее здоровье, и теперь я думаю, что мы не так все поняли. Мы считали, что, говоря о печальных событиях, там имели в виду смерть Моник, извините, – комиссар посмотрел на девушку, – а они говорили о смерти господина Криза, а дочь госпожи Саммерс была рядом с ней! Поскольку особых сомнений у нас не было, на опознание были приглашены соседи. Потом тело отправили в Мервик, о Боже!

– Не волнуйтесь, комиссар, там полиция разобралась в путанице, – вступила в разговор Моник. – Джейн похоронить все равно больше некому, ее родители погибли в авиакатастрофе еще в прошлом году, – она опять тяжело вздохнула, – ужасно и непонятно, кому это было нужно, и почему это случилось в моей квартире? Видимо, Джейн чувствовала опасность, и хотела спрятаться у меня! – вдруг воскликнула Моник. – Но ее выследили. Знаете, она всегда дружила с очень странными людьми. Когда мы с ней виделись в последний раз, разумеется, до этой встречи, она проходила курс лечения от наркомании. Потом говорили, что у нее все наладилось, она устроилась на работу. Я даже слышала, что она собирается замуж.

У меня стала выстраиваться версия, которая требовала проверки, но в нее укладывались не все собранные по делу факты. Уж точно, было непонятно, при чем здесь Роберт Гретт? Жаль, что Джейн уже ничего не могла сказать.

– Моник, кто-то из вашей семьи поддерживал отношения с Джейн, прежде всего, последнее время? – спросила я.

– Да, ее пыталась опекать сестра ее отца тетя Элси, извините, ее имя Элизабет Грей, но мы с детства привыкли называть ее тетя Элси. Родители Джейн мало уделяли ей внимания, они были актерами, постоянно находились в разъездах, а Джейн подкидывали незамужней сестре Алекса.

– Марго и Александр Портер! – внезапно сообразила я.

– Да, это были они, – грустно улыбнулась Моник.

Несколько слов о джазе

Тем, кто любит и знает джаз, рассказывать, кем были Марго и Александр Портер, не нужно. Но это увлечение сейчас нельзя назвать массовым, поэтому я расскажу об этом джазовом дуэте то, что мне известно. История, сама по себе интересная, да и невольно она вплелась в это и без того запутанное дело.

На момент своей внезапной гибели Марго было уже почти пятьдесят лет. Но тот, кто не знал даты ее рождения, вряд ли мог бы это предположить. Выглядела она удивительно молодо. Причем, не за счет пластической хирургии, хотя я не стану утверждать, что она совсем не обращалась за подобной помощью. Марго была удивительно хорошо организованным человеком. Она постоянно занималась специальными упражнениями, следила за своим питанием, что называется, держала себя в форме. Ее муж и партнер по сцене, Александр Портер, был намного ее старше, и это было заметно. Однако именно Александр постоянно оказывался замешанным в разных скандальных историях, связанных с его бесконечными романами. Все это часто попадало на страницы газет и очень удивляло публику. Удивляло еще и потому, что до женитьбы на Марго Александр вообще слыл женоненавистником, во всяком случае, он терпеть не мог красивых женщин. Историю знакомства супругов Портер однажды описал и опубликовал у себя в журнале известный музыкальный обозреватель и преданный поклонник джаза Юхан Вернер. Собственно там я ее и прочитала. Но некоторые детали узнала еще и от знакомой журналистки. До встречи с Марго Александр Портер был просто композитором, но довольно успешным. Исполнители буквально охотились за его новыми произведениями. И действительно все его песни становились популярными и получали множество премий на различных музыкальных фестивалях. Со временем он стал бессменным членом жюри фестиваля джазовой музыки в Стренчфилде. Для тех, кто не знает, скажу, что это был очень красивый праздник, который раз в год проводился не где-нибудь, а в знаменитом замке Азари. Это был конкурс в основном джазовых инструментальных групп, но по его условиям каждая группа должна была представлять солиста или солистку, иными словами они должны были показать свое мастерство в работе с вокальными номерами. Отдельная номинация называлась король и королева джаза. Обращаю ваше внимание, что все это происходило более тридцати лет назад. Тогда еще музыкальные клипы были в диковинку, к ним было отношение как к некому жанру музыкальных киноминиатюр. Основной упор был на раскрытие образа, чаще всего, заключенного не столько в музыке, сколько в тексте песни. Впрочем, и тексты тогда были явно позатейливей, чем это принято сейчас. Так вот, в тот год, о котором я рассказываю, среди наград, обещанных солистам, претендующим на титул короля, или королевы джаза, был контракт на запись новой песни Александра Портера и участие в съемках видеоклипа по этой песне. Речь идет о песне «Под шум дождя». Сейчас этот клип уже стал классикой жанра. И вы прекрасно знаете, кто в нем снялся. Вот только все ли знают, что изначально там не должен был сниматься сам Александр. На роль героя был приглашен известный актер, сейчас нет смысла упоминать, кто именно.

Марго попала на этот фестиваль в качестве участницы совершенно случайно. Она в это время училась в консерватории на первом курсе, по классу вокала. Джаз был ее увлечением, но она даже не предполагала сделать его профессией. Голос у нее был очень сильный с красивым тембром и очень большим диапазоном, что и позволяло ей готовить себя к оперной сцене и при этом увлекаться пением джазовых композиций. Небольшим студенческим ансамблем, в котором она пела в свободное от основных занятий время, руководил молодой пианист из известной в те годы джазовой группы «Сонет» Эта группа должна была принять участие в фестивале в замке Азари. Но солистка «Сонета» прямо накануне выступлении

заболела ангиной просто классический опереточный вариант развития сюжета. Вот на ее место и пригласили никому тогда неизвестную первокурсницу Сент-Риверской консерватории. Понятно, что никто не рассчитывал, что на этом профессиональном конкурсе может победить дебютантка, причем подготовленная скоростным методом, буквально в течение нескольких дней выучившая репертуар. Ей так и объяснили ее задачу – только участие, чтобы не сорвать выступление «Сонета» на этом важном для играющих джаз мероприятии. Но никто не знал, что Марго всегда настроена была только на победу. И она победила. Она получила корону королевы джаза. Но, вот когда должны были начаться съемки клипа, Александр Портер заявил, что эта красотка в клипе сниматься не будет! Он поставил организаторов конкурса в очень сложное положение, его пытались урезонить, но он твердил свое, что героиня его песни не может быть такой «смазливой», и что он не собирается предоставлять шанс какой-то малограмотной кукле, случайно победившей куда более достойных исполнительниц. Марго не слишком интересовалась всей этой суетой, ее не интересовала карьера ни кинозвезды, ни королевы джаза. Но история попала в газеты. В публикациях все чаще появлялась мысль о случайности победы дебютантки, это и задело самолюбие Марго.

Девушка заявилась прямо в дом известного композитора. Когда он ее увидел, то от удивления, видимо, просто не успел захлопнуть дверь перед носом юной нахалки. Она прошла мимо него прямо к инструменту, безошибочно определив, где находится рояль.

Понятно, что слова ее я передаю не дословно, просто по смыслу того, что было сказано.

– Мне неважно, – сказала она, – каких женщин вы любите, а какие вызывают у вас отвращение. Сейчас я говорю с вами не как с мужчиной, а как с профессионалом. Вы дадите мне два часа времени, чтобы я подготовила кусок вашей новой песни, вот здесь на этом инструменте. И, если через два часа то, что я подготовлю, вам не понравится, я публично через прессу признаю свою победу на фестивале случайной и сама откажусь от всяких претензий на участие в съемках клипа.

Что тогда подумал Александр, никто не может сказать, он и впоследствии об этом не рассказывал никому. Но он молча принес и положил перед Марго партитуру своей новой песни. Демонстративно посмотрел на часы и удалился в другую комнату, или вообще на эти два часа покинул дом, я этого точно не помню.

Ровно через два часа он появился у инструмента и прослушал в исполнении Марго первый куплет песни «Под шум дождя»

– Завтра ровно в десять я жду вас в студии, – сказал он.

Конфликт был исчерпан. Началась работа над студийной записью. Вскоре песня появилась в радиоэфире и сразу стала очень популярной. Начались и съемки видеоклипа. Сначала все шло нормально, но в финале есть сцена, в которой героиня, а ее роль исполняла Марго, должна выбежать из подъезда своего дома к герою, который нежно прячет любимую от дождя, прикрыв ее свои плащом. Вот с этой сценой никак не получалось. Александру не нравилось все: и как актер идет, и как выбегает из подъезда Марго, и освещение, и даже сам дом несколько раз меняли. Закончилась все это тем, что однажды Александр заявил, что подумал и хочет предложить две вещи: во-первых, героя должен сыграть он сам, во-вторых, он предлагает Марго после окончания съемок стать его женой. Оба эти предложения, как мы знаем, были приняты.

Это была счастливая во всех отношениях пара. Они стали вместе выступать. Марго закончила консерваторию, но не стала оперной певицей, как планировала раньше. Судя по возрасту Джейн, детей у них не было довольно долго. И что-то случилось в их семье за последние десять лет. Нет, я не думаю, что дело было в неверности Александра, его романы скорее всего представляли собой рекламный трюк, ведь интерес к джазу, как к виду музыкального искусства, значительно снизился. Нужно было создавать интригу вокруг этой пары, чтобы удержать их популярность, не меняя стиля и жанра. Их гибель год назад стала траги-

ческим финалом этой романтической истории. А теперь вот нелепая и совершенно непонятная смерть их дочери. Нет, я была далека от того, чтобы связывать эти два события между собой. Но меня очень интересовал вопрос, почему журналисты так много писали о любвеобильном характере Александра Портера, а вот о том, что у этих известных людей была дочь, я узнала только сейчас, не говоря уже о том, что у Джейн Портер далеко не все было в жизни безоблачно. И второй вопрос был тоже очень интересен, исходя из последних событий: почему Джейн не была упомянута в завещании Криза, при том, что там были упомянуты все остальные родственники? Родители Джейн тоже были небедными людьми, что случилось с их имуществом? Почему Джейн, судя по всему, вела довольно скромный образ жизни?

* * *

– Вы же знаете, где живет ваша тетя Элси? – спросила я Моник.

– Да, конечно, но она все равно сейчас в Мэрвике..

Впрочем, я сама предполагала, что Элизабет Грей сейчас можно найти именно там.

– Как вы думаете, она сможет со мной поговорить, если я приеду туда, например, завтра? – задала я девушке еще один вопрос.

– Конечно. Все уже позади, тетя Элси просто осталась у нас на некоторое время. Мама ее пригласила. Вы ведь понимаете?

– Да, я понимаю. Вы тоже вернетесь в Мэрвик, или останетесь здесь? – осторожно спросила я.

Если честно, сама бы я в эту квартиру больше не вошла.

– Я бы хотела продолжить работу, – она посмотрела на Гретта, – но квартиру я решила сменить, пока остановилась в отеле «Корона»

– Мы можем продолжить через пару дней, – ответил Гретт на взгляд Моник, – сейчас я еще работаю с отснятым материалом.

– Спасибо, думаю, через два дня действительно будет... В общем, спасибо.

– Если что, вы можете мне позвонить и вот, возьмите мою визитку, извините, что раньше не догадался.

– Дэвид, ты со мной? – спросила я, понимая, что все мои действия сейчас должны быть вне этого кабинета. Информации явно не хватало.

– Едем в Мэрвик? – с готовностью спросил меня мой друг.

– В Мэрвик завтра поедем, а сегодня я бы хотела встретиться с одной своей знакомой. Года два назад она была героиней очередного скандала, связанного с Александром Портером. Она журналистка, подозреваю, что ей известна кое-какая информация. Идем, поговорим в машине.

– А что за журналистка? -спросил меня Дэвид, как только мы разместились в его автомобиле, – возможно, я с ней знаком?

– Я говорю об Элеоноре Стренд, – улыбнулась я, понимая, что, как минимум Дэвид Элеонору знает, но, сомневаясь, что она знакома с ним, – ты, я думаю не раз видел и ее саму, и ее репортажи по телевизору.

– А ты с ней знакома лично? – удивился Дэвид.

– Мы учились в одной школе, и даже в одном классе, – ответила я.

– А ты мне не говорила никогда.

– Не было повода.

На самом деле, если учесть, что Дэвиду я рассказываю обо всех своих расследованиях, я должна была бы ему рассказать о происшествии на одной вечеринке, где присутствовала и Элеонора и еще несколько моих одноклассниц.

Французский салат

– Ты знаешь, Мэриэл, что главное в приготовлении французского салата? – Рита выглядела такой важной, что я с трудом сдержала улыбку.

– Надеюсь, что ты мне это сейчас скажешь, – ответила я, стараясь быть серьезной, как того требовали обстоятельства.

– Помоги мне, промой рис, например, не жалей воду, он должен быть промыт до белоснежного состояния…

– Я стараюсь, но ты обещала меня просветить насчет главного компонента этого деликатеса…

– Ах! При чем тут компонент? Главное – правильно посолить! Если тебе действительно интересно, основные элементы: отваренный до полной готовности и хорошо промытый рис, мелкорубленые вареные яйца, лук и майонез, я добавляю еще мясо креветок, яблоко и зелень.

* * *

Не люблю домашних застолий. Во-первых, результат многочасовых усилий замученной хозяйки исчезает за столь короткое время, что она не успевает даже перестроиться с чувства крайней усталости на чувство удовлетворения от того, что, наконец, можно присесть и отдохнуть. А во-вторых, посуда! (Если, конечно, не используется одноразовая). Грязные тарелки, которые расставлены по огромному столу, и мысль о том, что уйти, не попытавшись помочь убрать со стола – неудобно, по меньшей мере, раздражает. Я говорю это к тому, что, безусловно, не пошла бы на день рождения Риты, если бы она пригласила меня, как это обычно делают нормальные люди. Но Рита никогда не поступает, как все.

Мы учились в одной школе, но близкими подругами не были. После школы виделись лишь однажды. В первый месяц моей адвокатской деятельности Рита Корман появилась у меня в офисе с неожиданным предложением бросить к чертям собачьим работу и ехать с ней к ее родственникам, чтобы защитить интересы лучшей подруги в каком-то сложном процессе раздела имущества. Мне удалось тогда отвертеться сравнительно легко только потому, что в момент нашего разговора появился Дэвид и переключил внимание моей бывшей одноклассницы на себя. Рита всегда была очень хорошенькой, кроме того, деньги родителей и ее безупречный вкус позволили довести привлекательную внешность почти до совершенства. Единственное, что я хочу сейчас сказать – это то, что мой друг онемел на некоторое время, увидев в моем кабинете красивую женщину, хотя он и утверждает, что я несколько преувеличиваю. Так или иначе, но Рита тут же увлеклась другой забавой, забыв о цели своего визита, что и спасло мою адвокатскую карьеру в самом ее начале.

Сразу хочу успокоить тех, кто думает, что Дэвид Сомс мог стать жертвой этого дружеского налета. Ему ничего не грозило, так как он в состоянии выдержать капризы даже очень красивой женщины не более одного дня. Да и для Риты важно было одержать очередную победу, а не воспользоваться ее плодами. Так что, этот эпизод был совершенно безопасен. С того дня я не видела свою одноклассницу пару лет. И вот как-то утром она ворвалась в мою квартиру с весьма странными претензиями.

– Ты еще не одета? – воскликнула она, едва я открыла дверь.

– Но… – слов у меня не было, как, впрочем, и мыслей.

– У тебя на сборы ровно пятнадцать минут…

– Я не понимаю…

– Особо не наряжайся, будут одни девчонки, в этом году на свой день рождения я решила собрать своих лучших подруг и совсем пренебречь мужским обществом. Я пригла-

шаю всех к себе домой, вы увидите, что я – неплохая хозяйка. Я окончила курсы домашней кулинарии и хочу угостить вас самыми любимыми своими блюдами. Так что не тяни время, у меня еще куча всяких дел.

Не стану утверждать, что не могла отказаться от этого странного приглашения, но мне было любопытно, да и особых планов на этот день у меня не было. Дело в том, что я была абсолютно уверена, что Рита Корман и кухня – вещи несовместимые.

* * *

Лучших подруг оказалось пять. Кроме меня здесь были Салли Гроу, она сейчас замужем за Романом Гроу, известным режиссером, Элеонора Стрэнд, та самая тележурналистка, известная своими репортажами на экологические темы, Кортни Глузман, художница, кажется, вполне удачливая и, несомненно, талантливая, и Дина Паркер (дочь Дика Стоуна), которая, как я поняла из ее короткого рассказа, оказалась здесь уж и вовсе случайно. Она живет на маленьком острове и приехала в Сент-Ривер, чтобы навестить отца. Утром примчалась Рита и, не оставив ей ни секунды на размышление или отказ, усадила в машину и привезла к себе.

Мы все когда-то учились в одном классе дорогой частной школы для девочек, с пансионом. А это значит, что мы виделись не только во время уроков. Можно сказать: семь лет мы были почти сестрами. Но особенность таких школ в том и состоит, что те, кто их оканчивает, редко помнит своих школьных подруг. Хочу сразу заметить: все, кто тогда собрался в доме Риты Корман, были дочерьми очень состоятельных родителей. Исключением была только я, моя мама преподавала в этой школе, и мое содержание там частично оплачивал попечительский совет.

Предупреждение хозяйки о необязательности роскошных нарядов каждая из нас поняла по-своему. На мне был легкий брючный костюм из немнущейся мягкой ткани, в котором я чувствовала себя удобно в любой ситуации. Салли была облачена в демократичное легкое платьице из хлопка, которое, тем не менее, подчеркивало все достоинства ее великолепной фигуры. Элеонора оказалась единственной, кто прибыл на эту домашнюю вечеринку в вечернем платье из темно-вишневого шелка с глухим воротом и открытой спиной. Кортни была в цветастой длинной юбке и простой белой блузке, которая, как казалось, была на пару размеров больше, чем это было нужно. Дина – в джинсах и короткой маечке, впрочем, это была обычная для нее экипировка.

* * *

Хотя мы все оказались здесь не совсем по своей воле, а точнее по воле нашей гостеприимной хозяйки, нам было приятно общаться друг с другом. Мы с удовольствием помогали Рите накрывать на стол и весело вспоминали забавные истории из школьной жизни, которые неожиданно всплывали в памяти, удивляя в основном тем, что мы, оказывается, все это помним.

Стол, как и было обещано, действительно радовал глаз разнообразием всяких вкусностей. В какой-то момент мы столпились на кухне. Это очень важно, так как именно тогда мы в первый раз и обратили внимание на Ритино кольцо. Изящное золотое колечко с довольно крупным бриллиантом, несомненно, очень дорогое. Оно соскользнуло с пальчика Риты, когда та мыла руки.

– Какая прелесть, – воскликнула Кортни, – смотри, не потеряй его.

– Да оно слегка великовато, – довольно отозвалась Рита, – я ведь выхожу замуж, и это кольцо можно считать обручальным.

– Вот как, – Элеонора подошла посмотреть на предмет разговора, – когда же свадьба?

– Через месяц, я пришлю вам всем приглашения.

– Значит, это не только день рождения, но и своеобразный девичник, – с улыбкой заметила Салли.

Дина тоже подошла к нам, но, судя по всему, кольцо ее особо не интересовало. Она вообще всегда была равнодушна к украшениям. Безымянный палец наследницы Стоуна был отмечен скромным золотым ободком, совсем без камней.

Когда все это происходило, я вытирала бокалы и стояла чуть в стороне. Но, тем не менее, я видела, что Рита вытерла руки и надела кольцо на свой палец.

* * *

Мы сидели за круглым высоким столом, заставленным тарелками, наполненными весьма аппетитно пахнущими произведениями кулинарного искусства. Но главным Рита считала французский салат, выложенный в глубокую хрустальную салатницу и украшенный зеленью и дольками лимона. После банального обмена любезностями мы, наконец, приступили к пиршеству. Нужно сказать, что к этому времени мы уже порядком проголодались. Салли положила себе на тарелку пару ложек главного деликатеса со словами:

– Французский салат я пробую в первый раз.

– Существует несколько рецептов его приготовления, но этот мне нравится больше всего, – прокомментировала Рита.

Салли сидела напротив меня, и я увидела, что ее лицо как-то странно изменилось, едва она начала есть. Я видела, что она не в восторге от того, что оказалось у нее во рту, и только хорошее воспитание заставило ее это проглотить. Она действительно проглотила, но далось ей это так нелегко, что заметила и хозяйка.

– Тебе не нравится? – искренне удивилась Рита.

– Может, я ничего не понимаю, – отвечая, Салли не отрывала взгляда от своей тарелки, – но мне показалось… Это действительно должно быть таким соленым?

– Соленым?!

Мы все сразу потянулись к салатнице, чтобы выяснить, кто прав.

– По-моему, ты посолила его дважды, – проговорила я.

– Нет, – ответила Рита, задумчиво глядя куда-то поверх наших голов. – Здесь что-то другое, он посолен не меньше трех раз! Но как?!

Хорошо, что все остальное было очень вкусным! Испорченное было, настроение удалось исправить. Через час тарелки и салатницы почти опустели. Остался только безнадежный французский салат. Мы встали из-за стола и рассредоточились по комнате. Мне показалось, что, хотя Рита держится молодцом, но неприятный инцидент встревожил ее значительно больше, чем она готова была признать. Когда все засобирались по домам, я предложила хозяйке свою помощь и заслужила ее благодарный взгляд.

– Я и сама хотела тебя попросить задержаться, но как-то неудобно…

Когда я услышала эту фразу, то поняла, что случилось нечто более серьезное, чем пересоленный салат. И я оказалась права. Мы остались вдвоем. Я стала собирать грязную посуду, но Рита остановила меня.

– Оставь в покое тарелки, я сама все уберу, мне нужна твоя профессиональная помощь, хотя это так неприятно!

– Что случилось?

– У меня пропало кольцо, то самое, которое едва не свалилось с моего пальца, когда я мыла руки.

– Но я видела его уже после…

– Да. Послушай, я попробую все объяснить. Когда мы уже накрывали на стол, вернее, почти накрыли, я зашла в ванную комнату, чтобы немного освежить лицо. Руки тоже нуждались в уходе, я ведь готовила. Я занялась руками, кольцо сняла и положила на полочку над раковиной. Потом просто забыла о нем. Позднее вспомнила, но пошла за ним не сразу, а когда относила ненужную посуду. Кольца не оказалось там, где я его положила. Я осмотрела все в ванной. Оно исчезло.

– Ты уверена, что все было именно так?

– Конечно.

– Ты думаешь, что кто-то его украл?

– А что я должна думать? Я понимаю, что это явная нелепость. Любая из присутствующих могла бы купить себе такое кольцо на карманные деньги…

– Кроме меня.

– Я знаю, что ты этого сделать не могла.

– Спасибо за доверие…

– Доверие тут ни при чем, ты тоже заходила в ванную, но раньше меня.

– Понятно. А кто заходил после?

– Все остальные.

– Значит, если твое предположение верно, подозреваемых четверо: Кортни, Салли, Элен и Дина.

– Я понимаю, что все это ужасно глупо, и надеюсь, что ты мне предложишь что-нибудь более реальное в качестве версии.

– Давай не будем торопиться и подумаем.

Это было хорошее предложение, но сама я ничего толкового придумать не могла. Я даже не знала, с чего начать свои рассуждения. Может, кто-то из наших бывших одноклассниц страдал клептоманией? Но мы знаем друг друга так давно, мы столько лет не только учились, но и жили практически вместе. Я размышляла так несколько секунд, а взгляд мой блуждал по комнате, словно я подсознательно надеялась отыскать пропажу здесь. И вдруг я посмотрела на салатницу, которая так и осталась полной, так как французский салат был безнадежно испорчен. Совпадение этих двух событий показалось мне подозрительным.

– Что ты собираешься делать с этим? – спросила я, указывая в сторону стола, Рита поняла меня правильно.

– Выброшу, у тебя есть другие предложения? Нашла, о чем заботиться сейчас!

– У тебя есть большое блюдо?

– Есть, а что?

– Неси его сюда!

– Что ты задумала, можно узнать? – в голосе Рита звучало раздражение.

– Сейчас увидишь, я почти уверена, но нужно проверить.

Рита хотела еще что-то возразить, но махнула рукой и пошла на кухню.

Я взяла салатницу со злополучным салатом и вывалила ее содержимое на большое фарфоровое блюдо. Несколько движений вилкой, и в светло-желтой массе что-то блеснуло! Мое предположение полностью подтвердилось. Пропажа нашлась!

– Господи! – воскликнула Рита, я же могла его просто выбросить!

– Ну, не стоит так волноваться. Этого же не произошло, – автоматически успокоила я подругу, продолжая размышлять над этой странной ситуацией.

– Но как ты догадалась?

– Видишь ли, мне казалось маловероятным, чтобы ты пересолила то, что ни в коем случае нельзя пересолить. Значит, это сделал кто-то другой, и сделал намеренно. Зачем? Этот вопрос и раньше крутился у меня в голове. А тут пропало твое кольцо. Я понимаю, что его

можно просто положить в сумочку или в карман и унести, но тот, кто его украл, перестраховался, впрочем… Испорченный салат есть никто не станет, и спрятанное не обнаружится.

– Но ведь его еще нужно будет достать оттуда? Каким образом? А если такой способ существовал, почему им не воспользовались?

– Ну, это, пожалуй, лучше спросить у того, кто это все сделал.

– И кто же это?

– Есть у меня одно предположение, но его нужно проверить! Извини, я пойду. Я тебе позвоню завтра.

* * *

Но позвонила я на следующий день не Рите. Мы договорились встретиться в маленьком кафе на старой набережной. Моя собеседница ни о чем не спросила и на встречу пришла вовремя.

В кафе было почти пусто: утренние посетители уже позавтракали, а для обеда еще было слишком рано. Мы выбрали столик у окна, расположились и заказали по чашечке кофе.

– Зачем ты это сделала? – спросила я, когда официант принес наш заказ.

– Скажи сначала, как ты меня вычислила? Я слышала о некоторых твоих способностях, но не думала, что все это правда.

– Хорошо, я отвечу. Я подумала: для чего нужно было портить салат? Зачем нужен был такой сложный способ? Проще было бы спрятать в одежде. Но где именно? А что, если такой возможности не было? Я вспомнила, кто и как был одет. У всех были если не карманы, то возможность спрятать кольцо туда, куда его может спрятать любая женщина, даже на виду у подруг, сделав, например вид, что поправляет соскочившую с плеча бретельку. Только у тебя не было такой возможности. На тебе было вечернее платье с глухим воротом. А почему ты не забрала кольцо из салатницы и даже, насколько я понимаю, не попыталась это сделать?

– Да, ты меня удивила, но и у меня для тебя есть сюрприз. Рассуждения твои логичны, и вычислила ты, как ни странно, того, кого нужно. Да, это сделала я. Но я бы сделала это таким способом, даже если бы у меня было десять карманов. Не нужна мне эта побрякушка! Я хотела, чтобы эта дура выбросила ее своими собственными руками!

– Постой, Рита назвала это кольцо обручальным, она выходит замуж за…

– За моего бывшего жениха, она познакомилась с ним благодаря мне и даже не потрудилась спросить у меня, кем он мне приходится! Все это предприятие было экспромтом. Я увидела, что она забыла это чертово кольцо, и план созрел мгновенно. Я зашла на кухню, на стол не был поставлен только французский салат, его еще нужно было украсить зеленью. Вот тогда все и сложилось…

Я не стала ничего рассказывать Рите, но и Дэвиду тоже, так как считаю, что не стоит открывать мужчинам некоторые женские тайны.

А сейчас прямо из машины я позвонила своей школьной подруге и, к счастью, сразу дозвонилась.

– Элен? – спросила я на всякий случай, хотя узнала голос.

– Да, кто это?

– Это Мэриэл Адамс, еще помнишь меня?

– Мэриэл, как здорово, что ты мне позвонила, ты где? – Голос Элеоноры Стренд звучал вполне искренне.

– Я в машине, но хотела бы увидеться с тобой и поговорить. – с понятным смущением ответила я.

– Я понимаю, что разговор, скорее всего деловой, но все равно рада буду, если ты приедешь, ты мой адрес знаешь?

– Лучше напомни, да и я не одна, ничего?

– Разумеется, записывай адрес, и я тебя с нетерпением жду.

Оказалось, что мы находимся всего в нескольких минутах езды от того дома, в котором снимала квартиру Элеонора Стренд, или просто Элен, как мы называли ее еще со школы.

Элеонора Стренд

Я не видела Элен, если не считать экрана телевизора, с того самого разговора в кафе. То есть, лет восемь. Когда она открыла нам двери, я вдруг почувствовала, что в ее жизни происходит что-то очень хорошее. У нее было совсем домашнее милое лицо, она действительно была нам рада, а я опять подумала, что мне будет ужасно неудобно вытаскивать из нее нужную информацию. Дэвид же, как всегда, сразу расцвел от внимания красивой женщины.

После приветствий и произнесения привычных несколько банальных, хотя вполне искренних, фраз мы, наконец, устроились в маленькой гостиной. Удобно расположились в низких мягких креслах, обитых темно-синим велюром вокруг турецкого кривоногого чайного столика, на котором вскоре как-то между делом появился ароматный черный кофе в изящных фарфоровых чашечках вазочки с печеньем, конфетами и дольками лимона. Я не могла сразу перейти к вопросам, ради которых мы приехали сюда. Поэтому говорили о всяких пустяках, шутили, вспоминали общих знакомых. Я намеренно не упоминала Риту, да я о ней, собственно, давно ничего и не слышала. На свадьбе у нее мне не пришлось побывать, не потому, что я сознательно этого не хотела, так уж сложились обстоятельства. Но Элен сама заговорила о нашей бывшей однокласснице.

Ей позвонили, она взяла трубку, извинившись перед нами, перекинулась несколькими фразами с тем, кто был с ней на связи. Я не прислушивалась к разговору, но невольно услышала последние слова.

– Мне домик понравился, но посмотри еще ты сам, – произнесла Элен, после чего почти сразу положила трубку.

Я бы, конечно, не стала ее ни о чем спрашивать, но предположения у меня появились, а она вдруг сказала.

– Я вчера была у Риты, мы с Филом хотим купить у них дом.

– В Сент-Ривере?

– Нет, но недалеко, очень хорошее место, да и дом симпатичный, – она бросила быстрый взгляд на Дэвида,. – Я ее не видела с той вечеринки ни разу, на свадьбу меня даже не ждали, а тут случайно получилось. Наверное, так было суждено.

– Ты, что же не знала, что едешь смотреть именно ее дом? – догадалась я.

– Да, так вышло.

– И вы его купите?

– Не знаю, а почему бы и нет? – она улыбнулась спокойной улыбкой счастливой женщины, которая была красноречивее всяких слов.

В этот момент я подумала о Роберте Гретте. И, разумеется, вспомнила, что мы приехали сюда не ради всех этих сентиментальных воспоминаний. Невольно вздохнув, я задала свой первый вопрос..

– Ты ведь была знакома с Александром Портером?

– Да, более, или менее, – не задумываясь, ответила Элен, – хотя с Марго мы были значительно ближе.

– Я так и думала, но сейчас речь не о нем, а о его дочери, ты знала ее?

– Джейн? Я так понимаю, что с ней опять случилась какая-то неприятность?

– Да, – не стала скрывать я, – она убита.

– Бедная девочка, но этого можно было ожидать, я не знала ее так уж хорошо, но с ней у Александра и Марго всегда были проблемы.

– Ты говоришь о наркотиках, или было что-то еще?

– И наркотики тоже, но это скорее уже последствия.

– Что ты имеешь в виду?

– Вам лучше бы поговорить с Элизабет Грей, она фактически ее вырастила. Она не бросила девочку и тогда, когда выяснилось, что с ней не все благополучно. Она пыталась ее лечить, возила к специалистам…

– У нее было что-то серьезное?

– Да вроде как официально ей никто не ставил никакого диагноза, но странности у нее были. Марго как-то сказала, что боится ее. Они и вправду в последние годы старались с ней не общаться, только Элси с ней и возилась. Не хотела бы я повторять всякие непроверенные слухи, Мэриэл, поговорите с Элизабет. Если девочка мертва, она не будет скрывать ничего, вы ведь ищите ее убийцу?

– Да, мы ищем убийцу, – подтвердила я, – еще неудобный вопрос: между тобой и Александром вряд ли действительно что-то было, но почему возникли эти слухи?

– Слухи нужны были для поддержания его имиджа, а я делала репортаж из того района, где они с Марго тогда купили дом, и пару раз была у них в гостях. Очень красивое место в районе северного Тотриджа.

– И к кому перешел этот дом, после гибели Портеров?

– Их наследницей была Джейн, но в момент, когда с ее родителями случилась беда, девочка была не в себе, так говорили. Понимаешь, история очень непонятная, Элси пыталась повлиять на Джейн, но девушка ведь была уже совершеннолетней и могла делать со своим имуществом все, что хотела. Когда ты поговоришь с Элизабет, ты, возможно, разберешься в этой странной истории. Я могу рассказать тебе только об одном разговоре, который у меня был с Марго, незадолго до их гибели. Это единственная информация, которой я точно располагаю, остальное – слухи и разговоры, которые доходили до меня просто в силу того, что у нас с Александром и Марго были общие знакомые.

– Я тебя слушаю, – только и могла я сказать.

Мне действительно нужны были факты, а не слухи о них.

– Все происходило в том самом доме в Тотридже. Мы с Марго были вдвоем. Я должна была наутро уезжать. Мы сидели в гостиной обе были уставшие, разговаривать не хотелось. Вдруг Марго вздохнула и сказала: «Когда мы уезжали из Сент-Ривера, мне позвонила Элси и просила приехать навестить Джейн в клинике, где она проходит лечение, или обследование, я точно не знаю. Она говорила, что девочка очень взволнована, что она хочет меня о чем-то предупредить, но я не смогла пересилить себя, я вдруг почувствовала, что она хочет сказать мне что-то страшное, я не поехала к ней. И Александру ничего не сказала, а сейчас я все время думаю об этом…» Она что-то еще говорила, но я запомнила только эти слова, потому что тогда мы виделись в последний раз, через неделю они вылетели из Мэрвика в Париж, ты знаешь, что их самолет до места не долетел. Потом в какой-то газете появилось сообщение, что самолет, или, вернее, то, что от него осталось, удалось найти быстро, благодаря тому, что Джейн сказала, где это должно было произойти. Полиция тогда взялась за девушку, но что они могли ей предъявить. Последние три недели Джейн находилась в клинике, незаметно покинуть которую было невозможно. А даже, если бы она и улизнула из-под контроля, она что могла иметь отношение к авиакатастрофе, случившейся за тысячи километров от того места, где она находилась? Вот, пожалуй, и все, что я могу тебе сказать…

Когда мы ехали домой, Дэвид вдруг заметил:

– Странно на экране она выглядит такой благополучной, уверенной в себе…

– Она и так вполне благополучна, – возразила ему я.

– Нет, уверенные в себе люди не копаются в своих поступках и словах, – не принял моих возражений Дэвид, – и не пытаются самооправдаться, или она хотела оправдаться перед тобой?

– Да, я толком не поняла, – ответила я полуправдой.

Элизабет Грей

На следующий день мы с Дэвидом отправились в Мэрвик с самого утра. Но перед этим заскочили в полицейское управление. Хотя было еще рано, комиссар Катлер ждал нас у себя в кабинете.

– Вчера, – пришлось признать мне, – мы с Дэвидом очень неплохо провели время в обществе весьма талантливого человека, но с точки зрения полезности этого визита для дела, я в большом сомнении. Мы получили в свое распоряжение весьма странные факты, я даже не уверена, что это факты. Поэтому нашу поездку в Мэрвик считаю крайне необходимой.

– Вы меня заинтриговали, коллега, – серьезно заявил комиссар, – что же такого вы могли узнать?

– Убитая была нам представлена, как некая современная Кассандра, предсказавшая в свое время гибель своих родителей. Кроме того, оказывается, именно она помогла установить место падения самолета, на котором супруги Портер летели в Париж.

– Насчет второго факта скажу сразу, что это была утка. Но полиция в свое время должна была этим заняться, поскольку это беспокоило как раз ту даму, к которой вы отправляетесь. Именно она обратилась в полицию с жалобой на недобросовестную публикацию в газете.

– И чем же закончилась эта история? – спросила я.

– Выяснилось, что материал пришел по почте и был подписан моим непосредственным начальником. Разумеется, подделка. Газета дала опровержение, но как всегда бывает, кто это опровержение читал? Да, поезжайте, поговорите с госпожой Грей. Похоже, она кое-что важное знает.

– Мы отправимся туда прямо сейчас. Но и здесь еще достаточно дел. Надо бы выяснить, как преступник раздобыл аэролизин, как добрался до пиццы? Вы нашли этого Стентнера?

– Сегодня постараюсь ответить на первые два вопроса, это не так сложно, а вот со Стентнером пока мы получили еще одну загадочную историю. По адресу, который он указал в «Папирусе» в пансионате «Юнион», это что-то вроде молодежного общежития, действительно живет молодой человек с этим именем, но его не опознали по фотографии, оставшейся в картотеке Гретта. Кроме того, тот Стентнер, который действительно жил в пансионате бесследно пропал еще неделю назад. Он учится в медицинской академии, на занятиях его нет тоже уже неделю. У него есть мать, которая живет в деревушке Сантве недалеко от старого Гринвера, она утверждает, что и у нее он не появлялся. Так что и за эту ниточку пока не удалось ухватиться.

– Знаете, комиссар, кто-то ведь пойдет по вашему поручению в пиццерию «Патрисия»?

– Да, видимо, нужно выяснить, как там все работает, и кто мог настолько иметь доступ к пицце, чтобы напичкать ее лекарством.

– Пусть ваш человек захватит с собой фотографию лже-Стентнера.

– Мне это тоже приходило в голову, – улыбнулся Эрик Катлер. – Кстати, о технологическом процессе изготовления пиццы мы уже спрашивали, буквально на второй день после вашего отравления. Пришли к выводу, что вероятнее всего лекарство можно было добавить вместе со специями. Но вот кто и как это сделал? В общем, нужно разбираться.

* * *

Пока мы ехали в Мэрвик, я пыталась сочинить хоть какую-нибудь разумную версию всех известных нам на тот момент событий. Для этого я попыталась представить, что было бы, если бы все получилось именно так, как это запланировал преступник. Конечно, я не знаю пока его конечную цель, но кое-что мы можем предположить со значительной долей

вероятности. Например, что было бы, если бы отравленная аэролизином пицца попала не ко мне, а по назначению, то есть, Роберту Гретту. Чем бы это ему грозило? Если бы он съел всю пиццу, то, несомненно, бы отравился, и шансов выжить у него было бы очень мало. Но чтобы съесть такую пиццу, да еще нашпигованную лекарством, нужно неделю перед этим голодать. На что же рассчитывал преступник? На что покушался? Подумаем дальше. Ну, а если бы он съел не целую пиццу? Скорее всего, он попал бы на какое-то время в больницу, и это было бы очень подозрительно. Полиция и так держала его под контролем. Похоже, есть вариант приемлемой версии! Но нужно собрать факты! Как раз те, о которых мы говорили с комиссаром! Версия может показаться фантастической, но гораздо более правдоподобной, чем ясновидение Джейн.

* * *

Джулия Саммерс жила в небольшом, но симпатичном домике в десяти минутах ходьбы от моря. Она ждала нас, так как мы заранее предупредили ее о своем вторжении. Мне показалось, что она чего-то серьезно опасается, но я решила пока не задавать прямых вопросов. Нужно бы разобраться с тем, что тут происходит. Вопросов пока было слишком много, и некоторые были очень нестандартными, мягко говоря.

С утра стояла приятная совсем еще нежаркая погода, и госпожа Саммерс предложила нам выпить с ними кофе в небольшом палисаднике, рядом с домом.

Запах кофе смешивался и с запахом моря и запахом цветов, от этого слегка кружилась голова, и события, заставившие нас приехать сюда, казались уже и вовсе нереальными. Джулия Саммерс и Элизабет Грей были странно похожи друг на друга, обе высокие худые, с чуть сутуловатой осанкой, загорелые. Еще одно семейное сходство, – подумала я, и мне стало немного не по себе. Впрочем, когда я пригляделась, то это сходство оказалось довольно поверхностным, лица у них были совсем разными, да ведь они и не были кровными родственниками, вдруг сообразила я. Почему-то от этой мысли мне стало легче. По тому, как общались между собой эти женщины, было видно, что их связывают длительные дружеские отношения. Когда Джулия почувствовала, что наступило время для разговора, она просто незаметно оставила нас с Элизабет. Впрочем, мне ее присутствие не мешало, но ей было видней, как лучше.

– Вы хотите поговорить со мной о Джейн? – спросила госпожа Грей.

– Да, – ответила я, – из того, что мы уже знаем, складывается очень странная картина не только ее смерти, но и жизни. Возможно, вы сможете что-то объяснить.

– Видимо, смогу. Но я должна вас предупредить, что далеко не все понимаю сама. Вернее, до определенного времени я все понимала, а потом произошло что-то такое, чего я уже понять не могу. Ну, об этом вам придется судить самим.

– Хорошо. Давайте начнем с самого начала. Но я хочу задать вопрос, который может показаться вам несущественным, однако не забывайте, что расследуется достаточно запутанное преступление. Я хотела бы знать, почему из двух кузин только одна оказалась в списке наследников?

– Ну, это же очевидно, – удивилась Элизабет, – Чарльз составил свое завещание давно, все в семье знали, что его наследниками будут только его прямые родственники и их дети. Родственники мужей и жен к наследникам не причислялись. Джейн была дочерью Марго Портер в девичестве Саммерс. Наследницей Криза была жена Эдварда Саммерса и ее дочь, но не сам Саммерс, тем более не его сестра и уже конечно не ее дочь.

– Теперь понятно. Значит, хотя девочки были кузинами, только одна из них могла стать наследницей Чарльза Криза.

– Да, именно так. Но если вы думаете, что Джейн волновало это обстоятельство, то это ошибочное мнение. Не забывайте, что Джейн была дочерью очень известных людей. Если она и была обделена, то уж точно не материально. Нет, наследство Криза ее не волновало.

– Давайте, вы просто расскажите о ней все, что сможете вспомнить, расскажите, какой она была, как росла, с какими проблемами сталкивалась, какие проблемы создавала, – предложила я.

– Хорошо, – согласилась Элизабет, – я попытаюсь. Начну с ее родителей. О таких парах говорят – они созданы друг для друга. У Александра это был второй брак. Первая жена оставила его, причем сделала это так, что он на некоторое время вообще стал чем-то вроде женоненавистника, особенно, он избегал общения с красивыми женщинами. Но Марго удалось ворваться в его жизнь и завоевать его сердце. Они любили друг друга, я уверена, до последнего мгновения своей жизни, и еще так же самозабвенно они любили свою музыку.

– А свою дочь? – спросила я, понимая уже, какой ответ услышу.

– Рождение дочери, к сожалению, для них было досадной случайностью. Ребенок не вписывался в их жизнь, в ее сложившуюся гармонию. Девочка оторвала их на какое-то время от привычного существования, которое их устраивало, в котором присутствовало все, что им было нужно. Только так я могу объяснить их полное равнодушие к Джейн. К тому времени, когда родилась Джейн, я овдовела. Своих детей у меня не было, не было и планов что-либо менять в моей жизни, поэтому я взяла на себя все заботы о малышке. Но мне не удалось компенсировать девочке отсутствие внимания со стороны родителей. Она тянулась к ним, она ими гордилась, она очень хотела завоевать их любовь. Причем, со временем… любой ценой. Как только она поняла, что не сможет добиться их любви, она стала добиваться их внимания. Я, к сожалению, не сразу сообразила, что происходит. А когда, наконец, поняла, попыталась с ними поговорить. Однако это были бесполезные разговоры. Они начали привозить ей подарки, покупать наряды, дорогие игрушки, затем, когда она стала старше, украшения, косметику. Да, я пыталась им объяснить, что именно ей нужно, они искренне меня не понимали.

– А как она относилась к вам? Как вообще складывались ваши с ней отношения? – спросила я, поскольку суть отношений Джейн и ее родителей мне уже была понятна.

– Я была к ней привязана, наверное, я ее любила, по-своему. Но это не было материнской любовью. Будь она настоящей сиротой, возможно, мы стали бы с ней гораздо ближе. Впрочем, мы вольны предполагать все, что угодно, но было то, что было. Я заботилась о ней, старалась сделать ее счастливее, но разве я могла выдержать сравнение с Марго?

– Насколько я понимаю, были еще какие-то отношения между Джейн и Моник?

– Да, девочки, можно сказать, даже были дружны. Сначала, подружились мы с Джулией. Нас познакомила Марго, исходя из того, что у Джулии дочь такого же возраста, чтобы мне было легче. Действительно, Джулия очень мне помогла, да и Джейн любила гостить у них. Она там словно отогревалась. Так, правда, было лишь сначала. Потом, видимо она стала чувствовать разницу, вы ведь понимаете, о чем я говорю?

– Да.

– Я думаю, вам теперь понятно, в каких условиях формировался характер Джейн. Она стала взрослой, красивой девушкой, с душой одинокого, обиженного ребенка. Ее душа искала любви, а эти поиски не всегда приводят туда, куда надо бы. Окончив школу, она уехала в Сент-Ривер, чтобы поступить в университет. Училась она средне, но получить высшее образование вполне могла. Одна любопытная деталь. Вряд ли я вас удивлю, если скажу, что у Джейн были очень неплохие музыкальные способности, она училась музыке и умела немного играть на фортепиано, но в двенадцать лет отказалась продолжать музыкальное образование и никогда больше не подходила к инструменту. Именно в этом возрасте в ее

поведении появились странности, которые даже заставили меня пригласить к ней специалиста-психиатра.

– И что же это были за странности? – это был важный вопрос, поэтому я и решилась прервать рассказ Элизабет.

– Она могла замолчать на несколько дней. Или пару суток обходиться без сна. Иногда плакала во сне. Впрочем, все это прошло годам к семнадцати. В этот период она почти не отличалась от своих сверстников, и я даже думала, что все будет в ее жизни нормально. Она увлеклась историей, поступила в университет. Я хотела тоже переехать в Сент-Ривер, чтобы быть поближе к ней, но она решительно этому воспротивилась. Я сейчас думаю, что мне нужно было настоять на своем. Но, так или иначе, я этого не сделала. Поэтому о ее внезапном увлечении некой экзотической религией узнала слишком поздно.

– Что за религия? – я почувствовала, что это важный момент, хотя всю его важность оценила не в момент этого разговора, а гораздо позднее.

– Братство открытого сердца – так называлась эта секта. Как потом выяснилось, это братство было создано наркоторговцами. Процесс над этой сектой был достаточно громким.

– Да, помню, – подтвердила я.

– Секту разоблачили, но мне кажется, что после этого Джейн полностью так и не вернулась к нормальной жизни. И еще, я так и не поверила в искренность не только ее религиозных чувств, но даже и ее наркотической зависимости. Не знаю почему, но мне все время казалось, что Джейн во все это просто играла.

– У меня есть к вам еще один вопрос, – я его задала для очистки совести, я все уже понимала.

– Да, пожалуйста, если смогу, я обязательно отвечу, – заверила меня Элизабет.

– Мне вчера сказали, что Джейн в день гибели родителей находилась в клинике, то ли на обследовании, то ли на лечении…

– На обследовании, – подтвердила и уточнила госпожа Грей.

– Марго говорила своей знакомой журналистке, что вы просили ее проведать дочь в клинике, это так?

– Да, она действительно очень хотела повидаться с Марго, но та не приехала.

– Как вы относитесь к слухам о том, что девочка знала о будущей судьбе своих родителей?

– А вы как бы отнеслись? Никаких пророчеств Джейн не делала, она была в неважном состоянии, в клинике она находилась после попытки суицида. Желание повидаться с матерью в этих обстоятельствах я расцениваю, как совершенно нормальное. Все остальное – было спекуляцией, попыткой заработать тираж на чужом горе.

– Что ж, примерно так я и предполагала, – согласилась с ней я, – спасибо, что согласились поговорить с нами.

– Дай Бог, чтобы вам это помогло найти убийцу. – Элизабет вздохнула, впервые за все время нашего разговора глаза ее наполнились слезами, но она сдержалась.

– У меня есть вопрос, который, возможно, не совсем к вам, но это может оказаться важно.

– Говорите.

– Родители Джейн ведь были не бедными людьми, как минимум, у них был дом в Тотридже. Что стало с их имуществом?

– Они не были и так уж богаты, но дом и некоторая сумма на счету была. Все это должно было остаться Джейн. Но об этом вам, пожалуй, действительно лучше поговорить с господином Роненом, это адвокат, который вел все дела Портеров. Его контора находится рядом с муниципалитетом.

– Хорошо, спасибо. И извините…

– Ну, что вы? Я понимаю.

Наследство Портеров

Когда мы разыскали нужную нам адвокатскую контору, господин Ронен уже собирался уходить. У него были дела, да и время приближалось к обеду. Но он все же задержался на несколько минут, чтобы ответить на наши вопросы.

– Вас интересует имущество Портеров? – уточнил он, – надеюсь, вы можете подтвердить ваше право на получение этой информации?

– Да, разумеется, – я показала документ, которым меня снабдил комиссар Катлер.

– Так вот, завещания у супругов Портер не было, поэтому все их имущество по закону отошло их дочери Джейн Портер, теперь по завещанию Джейн Портер, ее имущество переходит во владение ее двоюродной сестры Моник Саммерс, но не ранее, чем через год после смерти завещательницы, таковы условия.

Для нас это было полной неожиданностью.

– А Моник уже извещена об этом? – спросила я.

– Да, ей послано письменное уведомление, кроме того, я говорил с нею по телефону.

Это завещание оказалось единственной неожиданностью, с которой мы столкнулись в Мэрвике. Это совсем не укладывалось в ту версию, которую я начала было выстраивать. Что ж придется вносить в нее коррективы.

Больше дел в Мэрвике у нас не было. Мы с Дэвидом наскоро перекусили в маленьком открытом ресторанчике на набережной и отправились в обратный путь.

Тони Фатмер и Ори Стентнер

Всю дорогу я обдумывала свою версию. Но все же оторвалась от этого полезного процесса, чтобы позвонить комиссару и предупредить, что мы возвращаемся в Сент-Ривер. Эрик Катлер пообещал дождаться нас в управлении. Свое обещание он выполнил.

Он внимательно выслушал и мой отчет и мои рассуждения.

– Боюсь, – сказал комиссар, – что новые факты не слишком прояснили это дело, кстати, и те, что удалось собрать нам. У меня как и у вас было подозрение, что Тони Фатмер и Ори Стентнер – это одно и то же лицо, но мы ошибались. Их действительно двое. Но, похоже, они иногда пользовались именами друг друга, например, приходил пробоваться на роль фотомодели именно Фатмер, у нас, таким образом, оказалась его фотография, в пиццерии нам сразу сказали, что это Тони. Но Фатмер с того самого понедельника не выходит на работу. Мать Ори тоже узнала Фатмера по фотографии. Она сказала, что этот молодой человек как-то приезжал к ней вместе с ее сыном.

– А удалось ли выяснить, где жил Фатмер, возможно, что там же была и Джейн? – спросила и одновременно предположила я.

– Адрес Фатмера нам сообщили в университете, где он действительно учится, – продолжил свой рассказ комиссар, – его квартирная хозяйка опознала Джейн как девушку, которая жила вместе с Тони. На вопрос, почему она не обратилась в полицию, ведь наверняка видела фотографии Джейн в газетах, она ответила:

«Фотографии в газетах я никогда не рассматриваю, а написано было, что убита какая-то модель, при чем же тут Джейн?» Нам пришлось принять эти объяснения.

– Но о Фатмере можно, видимо, узнать в университете, если он там действительно учится? – опять спросила я.

– В университете о Фатмере все говорят примерно одно и то же: талантливый математик, возможно, даже гений, своего рода, но жутко заносчивый тип. Джейн жила с ним последние несколько месяцев, и все предполагали, что они, в конце концов, поженятся. Именно Фатмер настоял на том, чтобы девушка вернулась к учебе, он помог ей устроиться на работу. Непонятно, почему она ни разу не воспользовалась деньгами своих родителей. Почему не стала жить в их доме, это понятно. Она училась в Сент-Ривере, а дом в Тотридже. Но у них, оказывается, была еще и неплохая квартира в столице. Почему она предпочитала жить у Фатмера? Понятно, что хотела жить именно с ним, но почему не в своей квартире? Один из сокурсников Тони предположил, что здесь своего рода воспитательная цель. Не имея на руках лишних денег, будучи вынужденной зарабатывать себе на жизнь, Джейн не подвергалась опасности вернуться к употреблению наркотиков. Впрочем, сомнительно, что существовала такая опасность, если учесть, насколько девушка была предана своему другу. Это отмечают все, кто их знал. В медицинской академии мы получили некоторую информацию и об Ори Стентнере. Он студент четвертого курса. Учится средне, часто подолгу не посещает лекции, но охотно дежурит в больнице. Увлекается психологией и психиатрией. Парень, судя по всему, добродушный, но какой-то безалаберный. Велико подозрение, что именно он достал аэролизин для Фатмера. Он мог достать его, находясь на дежурстве в больнице. Препарат жестко контролируется, но его часто употребляют в экстренном порядке, поэтому, как нам объяснили в больнице, может быть лазейка для похищения двух-трех упаковок. Кроме того, таблетки могли собираться и постепенно, впрочем, для этого у них не было, судя по всему, достаточно времени. Сейчас, ведется нашим специалистом проверка всех документов по движению внутри больницы этого препарата. Но самое главное, что ни Фатмера, ни Стентнера мы не можем найти. Хотел бы я послушать вашу версию событий, возможно, мы нашли бы сейчас общими усилиями место для всех полученным нами фактов.

Рабочая версия и новые факты

– Изложение моей версии событий может оказаться не совсем гладким, поскольку не считаться с новыми фактами, которые вы мне только что сообщили, я не могу, а определить их место в моей гипотезе еще только предстоит, – произнесла я, пожалуй, излишне важно.

– Мы тебя поправим, – тут же отреагировал Дэвид, не столько на мои слова, сколько на мой тон.

– И так вернемся к моему отравлению, – начала я рассуждать, – отравить хотели, конечно, не меня. Но, исходя из своего не самого приятного опыта, хочу заметить, что шансов избавиться насовсем от кого-либо таким способом маловато. Во-первых, для того чтобы отравиться аэролизином, его нужно слишком много, а значит не почувствовать изменение вкуса, даже очень острой, пиццы практически невозможно. Кроме того, лекарство слишком быстро начинает действовать, а значит проглотить всю дозу вообще не реально.

– Но тут стоит вспомнить, что отравить хотели человека, который регулярно принимает это лекарство, – напомнил Дэвид.

– Мы спрашивали врачей, – ответил на это комиссар, – аэролизин почти не вызывает привыкания, если бы это произошло, врач должен был бы назначить Гретту другой препарат. Ведь лекарство применяется именно в качестве срочной помощи.

– Отсюда единственный вывод, – продолжила я, – Гретта не собирались убивать, но надеялись на какое-то время отправить в больницу. Итак, первый вопрос: зачем это было нужно? Идем дальше, после покушения, к которому мы еще вернемся, почти сразу происходит убийство, как все мы сначала думаем, Моник Саммерс, фотомодели, с которой в этот момент работает Гретт. Но вскоре выясняется, что Моник жива, она уехала в Мэрвик к находящемуся при смерти престарелому родственнику, наследницей которого она является, а в ее квартире оставалась ее кузина очень на нее похожая, что и предопределило путаницу. Опять убийца, на сей раз, имевший вполне серьезное намерение, ошибся? То есть, убить хотели именно Моник, но просто перепутали с ее двоюродной сестрой, которая случайно оказалась в этой квартире? Если в первом случае пара совпадений, хоть и очень подозрительны, но вполне укладываются в нормы вероятности, то во втором – мне уже не верится в случайность.

– Да, здесь мне трудно вам что-либо возразить, – прокомментировал сказанное мною комиссар.

В это время на его столе зазвонил телефон внутренней связи.

– Боюсь, что нам придется оторваться от наших теоретических упражнений, – заявил Эрик Катлер после того, как положил трубку, – так как могут появиться новые факты. Только что Ори Стентнер находится в клинике Бермана. Он жив, но пока без сознания, у него сотрясение мозга, предположительно его ударили по голове чем-то тяжелым, причем, похоже, его хотели убить. Он поступил в больницу два дня назад. Наш детектив, который по моему распоряжению должен был обойти все больницы Сент-Ривера с фотографией Ори, начал с центра Бермана, это сэкономило ему время.

Ори Стентнер

До центра Бермана мы доехали на полицейском джипе. Это заняло у нас не больше десяти минут. Собственно, мы и сами не знали, почему так спешили. Дежурный врач нам сообщил, что состояние молодого человека стабильное, однако шансы пятьдесят на пятьдесят. Поэтому мы решили, что здесь в клинике постоянно должен дежурить детектив с диктофоном на случай, если парень хоть ненадолго придет в себя. Понятно, что сразу организовали и охрану, и круглосуточное наблюдение. К счастью никакие данные об этом участнике событий в прессе еще не светились.

Интересными оказались обстоятельства, при которых Ори был найден и доставлен в центр Бермана.

В больницу пострадавшего привезла машина неотложной помощи, которую вызвала пожилая дама живущая в том подъезде, где и был обнаружен Ори. Его могли и не найти, так как убийца затолкал его в небольшую кладовку на первом этаже, где хранился инвентарь для уборки. Но помимо тряпок и ведер в этой комнатушке был щит для подключения кабельного телевидения. Видимо, был задет какой-то провод, и телевизор госпожи Эммы Вайсман прекратил показывать ее любимый сериал на самом интересном месте. Многоопытная телезрительница уже знала, где нужно поискать причину этого безобразия и спустилась вниз, чтобы посмотреть именно на щит в этой комнатушке, где и обнаружила Ори, к счастью, еще живого.

Что можно было предпринять в этих обстоятельствах? Комиссар послал пару инспекторов в дом, где парень был найден. Обошли все квартиры, спрашивая живущих там людей, возможно, кто-то видел этого молодого человека, может, кто-то его даже знал, или, как минимум, мог что-то рассказать о нем. Но никто ничего не видел и не слышал, Ори, по фотографии, никто не узнал.

Роберт Гретт и Моник Саммерс

Пока мы решили вернуться в кабинет комиссара и продолжить наш разговор о версиях и тех фактах, которые уже были в нашем распоряжении. Еще были некоторые вопросы, ответы на которые могли поступить в ближайшее время. Очень важно было сейчас выяснить, где Тони Фатмер. Его фото было размножено, сотни полицейских занимались сбором информации о нем. Не мешало бы в новой ситуации еще раз расспросить Роберта Гретта и Моник Саммерс. Кроме того, мы подумали, что безопаснее было бы держать их рядом. Было понятно, что попытка убрать Стентнера – это уже не запланированная жертва, это попытка в панике убрать свидетеля.

Таким образом, решили, что прежде чем я сформулирую и обосную свою окончательную версию, мы все же переговорим с Робертом и Моник. Мы легко дозвонились до обоих, и в ожидании их прибытия в управление комиссар собственноручно приготовил замечательный кофе, по пути мы заехали в супермаркет и купили коробку с лимонными бисквитами.

В ожидании наших свидетелей, хотя точнее их нужно было бы назвать несостоявшимися потерпевшими, мы просто болтали о всяких пустяках, не относящихся к нашему нынешнему делу, пили кофе и лакомились бисквитами. И, тем не менее, мои мысли обретали вполне определенную направленность. Мне казалось, что единственный вопрос, на который я не знаю сейчас ответа – это где Тони Фатмер?

Первой приехала Моник. От гостиницы «Корона», где она пока жила, и пешком-то минут десять ходу, но мы строго наказали ей взять такси и обязательно воспользоваться для этого службой отеля. Гретт приехал минут через пятнадцать после Моник на своей машине. Он уже не выглядел таким задерганным и держался, наконец, вполне естественно. Теперь, по крайней мере, мы знали, какие вопросы нужно им задать.

– Извини, Роберт, что я об этом спрашиваю, но скажи, как часто тебе приходится покупать свое лекарство? – спросила я.

– Да, ничего, я же понимаю, – спокойно отреагировал Гретт, – мой док выписывает мне один рецепт на три месяца, но поскольку это лекарство употребляется только по мере необходимости, то иногда остаются неиспользованные таблетки, но бывает и наоборот, конечно.

– Ну, а если тебе не хватило, лекарства или ты, к примеру, потерял целую упаковку, ты ведь держишь таблетки в брючном кармане, вдруг постирал брюки и забыл вытащить из кармана аэролизин, что тогда?

– Тогда доктор мне выпишет новый рецепт, но в его комп отправляется что-то вроде объяснительной записки, текст, в котором указывается причина дополнительного рецепта.

– Это правило для всех врачей?

– Думаю, что да…

– Спасибо. Еще один вопрос. Как ты думаешь, если бы на съемки вместо выбранной тобой модели, с которой ты уже поработал хотя бы один день, вдруг пришла другая женщина, внешне на нее почти абсолютно похожая, и даже подготовленная на роль модели, смог бы ты заметить подмену?

– Я, конечно, не могу утверждать на все сто процентов, всякое случается в нашей жизни, но все равно мне кажется, я бы мог заметить. Невозможно, если, конечно, не готовиться по какой-то специальной шпионской программе, точно соответствовать в каждом жесте, в осанке, в пластике движений, слишком много мелких деталей, которые создают индивидуальный зрительный образ человека. Неспециалиста, конечно, можно обмануть таким образом, но я бы заметил, хотя, возможно, сказал бы себе, что мне это только показалось, ведь еще нужно знать, что такое может быть, вы же меня понимаете? – он посмотрел поочередно на меня, затем, на комиссара, и на Дэвида.

– Да, понимаю, – сказала я, – то есть, тебя, конечно, имело смысл опасаться, хотя можно было и рискнуть.

– Да, именно так. Все бы зависело от обстоятельств и от дальнейшего развития событий, если я правильно понял ход твоих мыслей, – улыбнулся Гретт.

– Теперь вопрос к вам, Моник, как часто в последние месяцы, до этого трагического случая, вы встречались, или общались как-то иначе с Джейн? – переключила я свое внимание на Моник Саммерс.

– До того дня, как она появилась в моей квартире в последний раз, я ее довольно давно не видела…

– Давно – это как? Ну, примерно, сколько времени, неделю, месяц, год? – попросила уточнить я.

– Понимаете, наши отношения вообще были какими-то взрывными, что ли. Не знаю, какое слово подобрать. Она могла не вспоминать обо мне несколько недель, даже месяцев, а потом вдруг заявиться в один прекрасный день, и месяц, два, три не прекращать постоянного общения со мной, словно ее жизнь без этих наших отношений просто невозможна.

– А как вы к ней относились? Вы любили ее? Ну, она вам хотя бы нравилась?

– Да я и сама сейчас все время пытаюсь это понять. В детстве я очень любила, когда Джейн привозили к нам погостить. С ней было так интересно. Она умела все превращать в сказку, но со мной она всегда держалась на правах старшей, всегда стремилась меня подчинить. Это трудно объяснить, но с возрастом, мое отношение к ней стало сложнее. Временами я ее даже боялась. В ней появилось, что-то жестокое. Впрочем, в тот день, когда я ее видела в последний раз, она была какой-то не такой, в ней была некая отрешенность, она была похожа на человека… – Моник задумалась, видимо, пытаясь подобрать наиболее точный образ, – на человека, который сжег все мосты. Мне теперь кажется, что она что-то предчувствовала. Хотя я понимаю, что сейчас нетрудно перепутать причину и следствие, – она грустно улыбнулась.

– По-моему, коллега, – обратился ко мне Катлер, – вы уже имеете полное представление о том, что произошло.

– Ну, еще нужно убедиться, что мое представление соответствует действительности, – усмехнулась я, – да и одного действующего лица нам явно не хватает.

– Я так понимаю, что ты имеешь в виду Тони Фатмера? – продемонстрировал проницательность Дэвид.

– Да, и я предлагаю тебе, если ты не устал еще от моего общества, съездить туда, где этого молодого человека должны неплохо знать, у нас ведь есть его анкетные данные? – обратилась я к комиссару.

– Конечно. – ответил он, – вы хотели бы встретиться с его семьей?

– Да, это было бы не лишним, хотя психологически это достаточно трудно. Впрочем, если ход моих мыслей все-таки ошибочен, где как не там я могла бы это понять.

– В таком случае, действительно поезжайте, тем более, что живут его отец и брат совсем недалеко в пригороде Сент-Ривера. Сразу за национальным парком есть небольшой живописный поселок, его называют…

– Волдвест, – догадалась я.

Тони Фатмер

– В Волдвест мы съездим, но, пожалуй, завтра. А пока неплохо бы позаботиться о безопасности Роберта и Моник, – подняла я вопрос, без решения которого не могла бы спокойно уехать домой.

– Вы правы, – согласился со мной комиссар. – Придется обратиться в отдел охраны свидетелей.

– Ну, что касается Моник, то да, – встрепенулся Гретт, – но я-то сам могу о себе позаботиться.

– Ох, уж эти мне герои, – усмехнулась я, – вот когда ты научишься пули на лету ловить…

* * *

Волдвест – действительно очень красивое место. А домик Фатмеров располагался еще и у небольшого, но удивительно чистого озерца, в прозрачной воде которого игриво суетились маленькие блестящие рыбки.

Мы предупредили о своем приезде, но неприятное напряжение не оставляло меня всю дорогу. Я понимала, что еду в этот дом не с доброй вестью. Но не могла и не поехать. Я хотела понять этого человека, да и не только его как отдельную личность, мне необходимо было объяснить себе суть явления, ибо я точно знаю, что у него, у этого явления, должны быть причины. Нам не дано изменить мир в целом, но чуть-чуть повлиять на расстановку сил в нем может каждый. А для этого мы должны понимать, как все это устроено, чем руководствуются люди вокруг нас, когда принимают свои решения, делают свой выбор, определяя тем самым и свою судьбу, и нашу.

Дверь нам открыл небольшого роста худощавый пожилой человек с совершенно белыми длинными волосами, стянутыми у самой шеи в пучок, при помощи простой черной резинки. Он молча пропустил нас в дом, жестом пригласил войти в одну из комнат.

Наверняка, это был кабинет. Вдоль стен, от потолка до пола, стеллажи с книгами под маленьким окошком узкая тахта, накрытая мягким теплым клетчатым пледом. Посредине большой письменный стол с удобным креслом с одной стороны и двумя стульями, старыми, с потертой кожаной обивкой, – с другой.

Хозяин кабинета занял кресло и предложил нам стулья. Все это молча, жестами.

Заговорил он приятным и каким-то удивительно молодым баритоном.

– Я не думаю, молодые люди, что наш с вами разговор будет длинным. Вы ведь сказали, что хотите поговорить со мной о моем старшем сыне.

Я кивнула в знак согласия.

– Уже пять лет я ничего не знаю о своем старшем сыне, и, представьте себе, ничего не хочу знать. О причинах таких отношений между нами я не собираюсь говорить, если меня не обяжет к этому судебное решение, – он вопросительно посмотрел сначала на Дэвида, потом на меня.

– Нет, мы не собираемся вмешиваться в сложное прошлое вашей семьи, – я постаралась это сказать, как можно, мягче, – но, возможно, вы сможете нам рассказать о том, каким был Тони раньше, например, когда он был еще школьником.

– Мне трудно понять, чем это может вам помочь в раскрытии преступления, вы ведь этим занимаетесь? – Я кивнула. – Но он был очень хорошим и послушным мальчиком. С ним не было хлопот, школу он окончил на отлично.

– Вы любили его? – вопрос буквально вырвался у меня, я смутилась и не ожидала ответа.

– Любил, – ответил он каким-то неожиданно глухим голосом, – но без взаимности.

Этот визит оставил в душе настольно тяжелое впечатление, что не хотелось обсуждать его результаты ни с кем. Мне казалось, что Дэвид понял меня, поэтому весь недолгий путь до моего дома мы ехали молча. Комиссару мы не позвонили. Да в этом и не было необходимости. Была договоренность о том, что завтра мы все встречаемся в его кабинете. Сейчас, в отрыве от моей основной версии, мне нечего было ему сказать.

Развязка

На следующий день в кабинете комиссара Катлера были не только те, кто проводил расследование, и не только знакомые нам участники событий.

В аэропорту при попытке улететь за границу с поддельным паспортом был задержан Энтони Фатмер. Похоже, он был к этому психологически готов, просто у него уже не было возможности скрываться, он был сильным игроком, поэтому правильно оценивал свои шансы.

Оказавшись в кабинете комиссара, Фатмер тоже вел себя спокойно. Он сразу потребовал адвоката. Поэтому на нашем импровизированном совещании присутствовал еще и Самуил Коен.

Итак, на сей раз, все было так, как обычно бывает в классическом детективе. Действующие лица собраны в одной комнате, а многоопытный сыщик преподает им урок логики. Конечно, изложить версию событий мог и Эрик Катлер, но он считал, что я раньше обо всем догадалась, а я не стала с ним спорить.

Мы решили не тратить время на допрос Фатмера. Этих допросов еще предстояло достаточно много. Мы не сомневались, что придется иметь дело с хитрым и хорошо подготовившимся противником, которого не так просто будет заставить говорить правду.

Мое изложение версии этих трагических событий было задумано не для того, кто знал о них больше меня.

И так, уточняю: кроме меня, комиссара и Дэвида, здесь были Роберт Гретт, Моник Саммерс, а также Тони Фатмер и его адвокат Сэм Коен.

Скажу сразу, что моя версии подтвердилась почти полностью, все, что выяснялось в ходе судебного разбирательства не только не противоречило ей, но и служило доказательством моей правоты. Поэтому я могу со спокойной совестью повторить все, что говорила тогда.

* * *

Тони познакомился с Джейн тогда, когда она поступала в университет. Джей льстило внимание Фатмера. В окружении девушки еще не было таких умных и основательных молодых людей. В это время Джейн стремительно менялась. Она устала от своего одиночества, от постоянных поисков любви, от обиды на равнодушие родителей и от жалости к себе. В Тони ей нравилась его абсолютная однозначность. Ясность жизненных принципов. Он верил в свою гениальность и исключительность, а она с удовольствием разделила эту веру.

Верить в далекого и непонятного Бога – это для слабых и бездарных. Такой человек как Энтони Фатмер должен верить только в себя, в свой уникальный интеллект, в свою избранность. И Тони верил сам и заставил Джейн верить в него так, как верят, если не в Бога, то в пророка.

О Моник и ее предполагаемом наследстве Фатмер узнал от Джейн. План возник тогда, когда Энтони увидел Моник и заметил, насколько девушки похожи друг на друга. Если вы думаете, что все это было затеяно только ради получения денег, то вы не поняли, что представлял собой Энтони Фатмер.

Заменить наследницу в этих обстоятельствах было совсем непросто. Во-первых, девушки, хоть и были похожи, но не так как бывают похожи близнецы. Кроме того, нужно было придумать, как нейтрализовать тех, кто никогда не сможет ошибиться. Таким человеком была, например, мать Моник. План продумывался тщательно, до мелочей. «Никаких

случайностей» – вот какой девиз исповедовал молодой математик. В своем плане, он, прежде всего, опирался на психологию восприятия похожих предметов.

Представьте себе, что у вас есть предмет А и предмет В. Они очень похожи, но не идентичны. Когда предметы рядом, мы их легко отличаем один от другого. Но если мы видим только один из предметов, мы не всегда можем сразу определить, что это именно предмет А. Или наоборот – предмет В. Для того, чтобы их не путать, мы должны найти в каждом из них индивидуальные признаки. То есть какие-то детали, которые свойственны только одному из предметов: или А, или В. Вот когда мы запомним эти детали, мы легко решим поставленную задачу. Мы всегда сможем сказать какой из этих предметов в данный момент перед нами. Понятно, что, отличая друг от друга какие-то похожие предметы, мы применяем этот закон не сознательно, во всяком случае, чаще всего.

Вот на этой закономерности восприятия и построил свой план Фатмер.

Джейн должна в глазах всех, кто ее знает обрести таки черты, по которым ее безошибочно будут отличать от кузины. В то же время, она должна быть готова в нужный момент преподнести на публике такие черты, которые позволят ей выдать себя за Моник.

Это была непростая задача. Ведь обе метаморфозы должны были происходить с одним и тем же человеком в одно и то же время.

Первая задача была значительно проще. Джейн рассказала своему «пророку» все о своей жизни, в том числе и о том, что ее однажды обследовал и наблюдал детский психиатр. Девочку уже кое-кто считал странной, нужно было только потихоньку, не утрируя и не увлекаясь, закреплять за Джейн Портер образ странной, склонной к невротическим проявлениям девицы. Для этого понадобился специалист. Понятно, что привлечь опытного врача было и сложно, и опасно. Поэтому среди друзей Тони появляется студент-медик, увлекающийся психологией и психиатрией. Кроме того, через Ори Стентнера Фатмер находит не слишком щепетильного пластического хирурга, который за хорошие деньги делает Джейн мелкие поправки, сближающие ее во внешнем сходстве с кузиной. Все это делается осторожно, события не форсируются. Нужную информацию от Ори Фатмер получает постепенно, не задавая прямых вопросов, опираясь на увлекающийся характер приятеля. Для создания нужного образа используется и посещение молебнов тоталитарной секты, недолговечность существования которой Фатмеру легко было предсказать, и симуляция наркотической зависимости. Впрочем, здесь пришлось пойти на определенный риск. Ведь наличие наркотика в крови определяется химическим путем.

Гениальный, как он сам его оценивает, план Тони Фатмера, поддерживается еще и такими подарками судьбы, как авиакатастрофа, в которой погибают родители Джейн. А затем от болезни сердца умирает отец Моник.

Фатмер цинично разыгрывает и эту карту.

Итак, первая задача выполнена с блеском. Образы девушек настолько расходятся в понятиях людей, которые их окружают и знают, что многие уже забывают об их былом сходстве. Теперь нужно форсировать выполнение второй задачи. Моник невольно ее усложняет. Она выбирает профессию фотомодели. Это придает ее образу такие индивидуальные черты, которые уже не так просто скопировать. Кроме того, в ее окружении появляются люди, у которых по-особому наметан глаз. Их не обмануть простым сходством, во всяком случае, это сделать гораздо труднее. Но усложнившаяся задача только усиливает азарт. Фатмер не упускает из виду Моник. Время от времени он отправляет Джейн навестить двоюродную сестру и записывает все события в жизни Моник, о которых удается узнать. Он заставляет Джейн постоянно примерять на себя жизнь ее кузины. Джейн тоже увлекается этой игрой. Она попросту шпионит за Моник.

События стремительно начинают двигаться к развязке: старик Криз плох, его жизнь уже измеряется днями. Нужно усиленно готовиться к замене наследницы. Но тут Моник

начинает работать с Греттом. Художник может оказаться опасен, если Чарльз Криз умрет до того, как Моник закончит с ним работу. Чтобы разведать обстановку, Фатмер приходит к художнику в качестве претендента на роль фотомодели. Но на всякий случай регистрируется у секретарши под именем своего приятеля. А тут сам художник дает возможность Тони решить проблему, связанную с опасностью, исходящей от него, Роберта Гретта.

Фатмер, скорее всего не сразу придумал комбинацию с аэролизином. Нужно было еще найти способ воспользоваться лекарством. Но все складывается как нельзя лучше. Тони удается устроиться развозить «Патриссию», о подарочной пицце для Гретта знала вся страна, это была часть рекламной кампании. Тони понимает, что таким способом нельзя полностью избавиться от художника, но если Гретт в момент, когда Моник уже будет наследницей попадет на несколько дней в больницу, то когда он оттуда выйдет, ему просто придется искать другую модель, кто осудит девушку, которая оставила работу, получив такое наследство?

Наступает момент, когда план уже расписан не только по дням, но и по часам.

В понедельник Роберт Гретт должен был получить отравленную пиццу и, как минимум, отправиться на несколько дней в больницу. А во вторник Фатмер от имени матери Моник отправляет СМСку, получив которую, та в среду должна будет вылететь в Мэрвик. Он не боится, что Моник перезвонит матери. Старик в самом деле плох, а все остальное легко списывается на суету, никто ведь не думает, что за неучтенным СМС сообщением может стоять чей-то коварный план. Джейн должна будет прийти к Моник перед самым ее отъездом в аэропорт. До этого момента она привычно шпионит за своей кузиной. Она попроситься остаться в квартире. Конечно, Моник ей не откажет. Моник не доехала бы до аэропорта, или не долетела до Мэрвика, ее тело превратили бы в тело Джейн. Это все Фатмером было продумано и было бы выполнено, можно не сомневаться. Судя по дальнейшим событиям, убить Моник он собирался из пистолета, украденного у Гретта.

Оставшись в квартире своей кузины, Джейн должна будет полностью стать ею. И она уже чувствует себя готовой к этой роли. Актерство у нее в крови. Она уже не смогла бы расстаться с выбранной для нее ролью, даже сознавая смертельную опасность.

Первая ошибка, которую допускает Фатмер, заключалась в том, что в понедельник, он просит Ори Стентнера подменить его в пиццерии. Он приводит его туда, сам подготавливает заказ, но на развозку отправляет приятеля. Что коробки могут рассыпаться, он не учел.

Вторая ошибка становится для него вообще роковой.

В среду Моник действительно собирается вылетать в Мэрвик. Джейн появляется в ее квартире вовремя. Все проходит именно так, как было ими запланировано. Фатмер следит за подъездом, из которого должна выйти Моник. Очевидно, он собирался перехватить ее на приготовленной заранее машине. Но незадолго до того, как Моник должна была выйти из подъезда, Фатмер увидел входящего в этот подъезд Гретта. Он понимает, что по какой-то странной причине отравленная пицца не сработала. Но это еще не беда, можно пока и рискнуть. Однако такси приезжает раньше намеченного времени. Поскольку это было просто другое такси, то, которое было заказано приятельницей Роберта, очень спешившей и поэтому ухавшей на случайно подвернувшейся чуть раньше машине. Фатмер запаниковал. А тут еще в момент, когда Моник садится в это такси, Тони бросает взгляд на одно из окон дома и видит Роберта, подошедшего к окну в квартире своей знакомой. Теперь он думает, что художник каким-то невероятным образом раскрыл их планы. Он входит в квартиру Моник и говорит Джейн, что все отменяется. Но для Джейн важен был не гениальный план ее кумира, а результат в виде денег Чарльза Криза. Кроме того, она не может так быстро выйти из игры. Она пытается заставить Фатмера рискнуть. Она ему начинает угрожать разоблачением. И тогда интеллект Энтони уступает место элементарному страху. Под влиянием страха Фатмер делает одну ошибку за другой. Вместо Моник он расправляется со своей бывшей подруж-

кой. Пистолет бросает рядом с телом в надежде все списать на Гретта. Если бы у него было время подумать… Но времени не было. А в таких условиях он действовать не умеет.

Дальше его заботой становится спасение собственной шкуры. Еще одним опасным свидетелем он справедливо считает Стентнера. Ори, наверняка, многое сможет рассказать.

Пистолета у него теперь нет, поэтому он просто заманивает своего ни о чем не подозревающего приятеля в дом, который немного знает, так как одно время снимал там квартиру. Там он выбирает момент и наносит Ори удар по голове и закрывает его в кладовке, зная, что убирать подъезд придут только на следующий день. На щит кабельного телевидения он просто не обратил внимания. Да, слишком много он совершает ошибок для такого безупречного, как ему казалось, плана. Вне этого плана он совершенно беспомощен.

Наверное, Фатмер считал, что ему просто не повезло. В самый последний момент, когда план уже, казалось, выполнялся почти идеально, досадная случайность сыграла с ним злую шутку. Но он был не прав. Неудачным было это дело для него с самого начала.

* * *

Все это я рассказала тогда в кабинете комиссара в качестве наиболее логичной гипотезы. Но как я уже писала выше, это, в основном, было подтверждено и последующим расследованием.

Фатмер боролся против каждого установленного факта. Но ему не удалось избежать наказания, причем, весьма сурового. Суд принял во внимание циничность не только преступления, но и того плана, который Фатмер не довел до конца.

Ори Стентнер выкарабкался, хотя ему до сих приходится продолжать лечение. К счастью, врачи считают, что со временем последствия травмы будут ликвидированы.

Между матерью Ори и его невольной спасительницей госпожой Вайсман завязались теплые дружеские отношения.

Моник не захотела оставить карьеру модели. Причем, история, в которой она едва не стала жертвой, помогла ей привлечь интерес не только со стороны производителей рекламы. Вскоре она вдруг обнаружила в себе актерские способности и теперь снимается в роли женщины – частного детектива в телевизионном сериале. И хотя я терпеть не могу сериалы, этот буду смотреть обязательно. С нетерпением жду выхода первых серий.

Да, с Элен мы увиделись только через полгода. К сожалению, я не смогла попасть на ее свадьбу. Мне пришлось выехать за границу в связи с очень запутанным делом, о котором я еще обязательно напишу.

Но Элен пригласила нас с Дэвидом на новоселье в тот самый дом, который они с Филом все-таки купили у Риты.

Дом действительно очень милый, в красивом и удобном месте.

Оказалось, что из всех моих бывших одноклассниц я теперь – единственная старая дева.

Правда, присутствие рядом со мной Дэвида позволило мне чувствовать себя вполне полноценным членом общества.

Это также избавило моих подруг от необходимости бросать на меня незаметно сочувственные взгляды.

* * *

В тот день когда Фатмер предстал перед судом, уже после судебного заседания, мы зашли ненадолго в кабинет комиссара. Он нас пригласил, чтобы закончить это запутанное расследование там, где оно начиналось.

– Мне все время хотелось спросить вас, – заговорил Эрик Катлер, как только мы устроились в креслах рядом с его столом, – с какого момента вы начали понимать, кто преступник. Было ли это результатом размышлений, опирающихся на факты, или все же проявлением вашей замечательной интуиции?

– Может, это и было интуитивным, – попыталась ответить я на вопрос комиссара абсолютно честно, – но мне с самого начала было понятно, что единственным человеком, который мог отравить пиццу был тот, кто должен был ее доставлять. Ну кто еще мог гарантировать, что именно эта пицца попадет к тому, к кому было нужно.

– Но ведь она попала совсем не к тому, кому предназначалась – удивленно воскликнул Дэвид.

– Ну и что? Всегда есть моменты, которые не может предусмотреть никто.

– И все же ответа на свой вопрос я не получил, – усмехнулся комиссар, – видимо, это так останется для нас тайной.

И что я могла на это сказать? Разве меня можно было обвинить в неискренности? Впрочем, какая женщина откажется от ореола таинственности, который создается вокруг нее мужчинами?

Мы еще долго обсуждали все неожиданные и не очень повороты этого дела. Эрик Катлер дважды готовил для нас кофе.

Из личной жизни детектива

Когда мы с Дэвидом вышли из здания центрального полицейского управления, мой друг предложил мне пройтись пешком. Это было для меня такой неожиданностью, что я даже и не подумала возражать. Какое-то время мы шли молча. Я чувствовала, что эта вечерняя прогулка придумана неспроста. Какой-то вопрос остался для него неразрешенным. И я оказалась права. Хотя мне было бы приятно вот так побродить по вечернему стремительно пустеющему городу и без всякой на то причины.

– Почему ты мне никогда не рассказывала об этом художнике? – вдруг спросил меня мой друг.

– А что рассказывать? – удивилась я.

– Ты что думаешь, я полный идиот? – продолжал упорствовать Дэвид.

– До этого момента я так не думала.

– Но ведь вы с ним были знакомы раньше?

– А разве я это скрывала?

– Ну, и почему бы не рассказать мне все? Я ведь тебе не чужой! Почему ты заставляешь меня думать об этом и придумывать то, чего, может, и не было?

– Ты хочешь сказать, что ревнуешь?

– А что? Это такая уж невозможная вещь?

– Ты меня просто балуешь, – я не выдержала и расхохоталась, видимо, повлияло напряжение последних дней.

– Мэриэл, ну почему ты не можешь вести себя как нормальная женщина?

– А как они себя ведут, Дэвид?

– Господи! Да откуда мне знать?! Я так давно с ними не общался!

Я поняла, что к моему другу вернулось, слава Богу, присущее ему чувство юмора.

Мы очень скоро забыли и о художнике, и о его проблемах, и даже о том кусочке моего прошлого, который вызывал ревнивое любопытство Дэвида и мою тихую грусть, происхождение которой, мне так трудно было понять. Бог знает, о чем мы думали, но говорили уж точно совсем о других вещах. А уж о том, что мы чувствовали, ни я, ни мой друг даже и не пытались думать. И все же…

Это был замечательный вечер, один из немногих в моей жизни. Единственное, что время от времени меня беспокоило – чувство страха перед возможным банальным окончанием этой волшебной прогулки по улицам вечернего, а затем и ночного города.

Но Дэвид промолчал, и я была ему безумно благодарна за это. По крайней мере, до той минуты, когда я оказалась один на один со своим отражением в зеркале.

– Ну вот, – сказала я этому отражению, – ты в очередной раз отстояла свою свободу и независимость.

– Свободу от чего? – неожиданно спросила меня усталая и безгранично печальная женщина по другую сторону призрачной границы реальности.

– От многих неприятных вещей, – продолжила я этот вечный спор.

– Например?

– От ревности, от страданий, от бесконечных мелких обид и придирок, и, наконец, от предательства и разочарования, разве тебе этого мало?

– Позволь и мне продолжить этот список, – не сдавалась та, что не могла отвести глаз, -ты получила полную свободу от радости близкого человеческого тепла, вместо холодной одинокой постели. От маленьких радостей ежедневного узнавания того, кто рядом, а, значит, и понимания себя. От крепкого плеча, способного поддержать тебя в трудную минуту, от нормально женского счастья, вместо усредненного бесполого благополучия.

– Чего ты хочешь от меня? – почти выкрикнула я.

– Чего могу хотеть я? – удивилась она.

– Зачем ты меня мучаешь? Ты же знаешь, что это не зависит от меня!

– Разве?

– А что я могла сделать? Повиснуть у него на шее? Расплакаться?

– Конечно, нет! Ты же у нас гордая!

– При чем здесь гордость?

– Ты окружила себя стеной!

– Если бы это было настоящим, никакие бы стены не устояли!

Бессмысленно было продолжать этот диалог. Я вздохнула и отошла от зеркала. Пошла на кухню, взяла апельсин, разрезала его пополам и сунула ровные половинки в соковыжималку…

Привычная последовательность действий вернула меня в мир моей реальной жизни из призрачного мира грез и фантазий.

И вдруг я вздрогнула от звука, который не ожидала услышать.

– Алло. Ну что ты молчишь? Я ведь знаю, что это ты.

– Я забыл тебе сказать главное, ты уже спишь?

– А с кем ты разговариваешь, если я сплю?

– Ну, так можно мне узнать…

– Ты что забыл номер моей квартиры?

Как хорошо, – подумала я, – что завтра воскресенье.

* * *

Утро было замечательным. Интересно, будильник сам промолчал?

Какое-то странное ощущение… Запах кофе! С кухни донесся тихий звон фарфора…

Мне показалось, что запах кофе стал насыщенней и, видимо, неспроста, поскольку на пороге появилась забавная фигура Дэвида, облаченного в мой банный халат. На подносе который он осторожно поставил на тумбочку возле моей кровати дымились две чашки превосходно сваренного кофе.

– Когда ты успел? – мое удивление было искренним, – я и сейчас еще не могу понять, это настоящий кофе? Или я продолжаю видеть сон?

– Если хочешь, можешь пить кофе, не просыпаясь, улыбнулся Дэвид.

– Так о чем ты забыл меня спросить?

– Разве?

– Ну, ты так сказал, я привыкла тебе верить.

– Замечательная привычка, постарайся сохранить ее как можно дольше.

Тайна Дженни Перлин

Краткое предисловие***или***Опять этот «Экстроподиум»

Не знаю, в чем тут причина, но в моей практике было уже несколько интересных дел, так или иначе, связанных с Домом моды «Экстроподиум». Сама история этой известной во всем мире фирмы просится на страницы романа. А тут еще и события, настолько неожиданные и загадочные, что у меня появилась сумасшедшая идея: написать когда-нибудь захватывающий приключенческий роман обо всех участниках разыгравшейся драмы. Вот наберусь литературного опыта и, чем черт не шутит!...

А пока я хочу рассказать правду об одном происшествии. История произошла два года назад. Но я была связана словом, от которого лишь теперь меня освободила сама судьба. Для кого-то все, о чем я собираюсь рассказать, будет неожиданным открытием, а кто-то уже знает некоторые факты из этой запутанной истории, но наверняка не знает подробностей, о коих прочитает здесь, в этом моем повествовании.

Для меня все началось с того, что однажды у себя на рабочем столе я обнаружила пакет с рукописью. Пакет был подписан рукой Дэвида и адресован мне. Поэтому я вытащила рукопись и начала ее читать.

Сенсационное признание

"Очень прошу дочитать мое письмо до конца. Это очень важно, в ваших руках жизнь и свобода нескольких людей, чью тайну я сейчас хочу вам доверить. Написать это, по сути своей, признание, вынудили меня обстоятельства, о которых будет сказано ниже. Начнем с Гринвера Д. Именно в этом городе началось мое участие в событиях. Кроме того, для меня этот город был тем самым местом, с которого начались серьезные перемены в моей личной жизни.

А в Гринвер Д я приехала работать. Мне очень повезло. В прошлом году я окончила колледж и без особой надежды отправила свои документы на конкурс по замещению вакансий в знаменитый «Экстроподиум». Произошло чудо. Я получила официальное приглашение занять должность младшего менеджера в отделе по подбору временных кадров.

*** * ***

Кое-что из истории этого самого известного в нашей стране, а может, и во всем мире, дома моды я хочу напомнить, поскольку все случившееся неразрывно связано с традициями фирмы.

Что представляют собой ежегодные показы коллекций именитых и молодых модельеров, я думаю, рассказывать не стоит. Но есть некоторая особенность, которая отличает мероприятия «Экстроподиума» от других. Здесь вы можете увидеть не только лучшие в данном сезоне образцы одежды.

Каждый год вокруг этого знаменитого шоу возникает и мастерски поддерживается некая таинственная интрига, связанная, как правило, с предметом, демонстрация которого сама по себе является сенсацией.

Это может быть любой аксессуар, но главное, чтобы за этим предметом тянулась его собственная загадочная легенда.

В прошлом году интрига была особенно любопытной, так как была связана с весьма непонятной и таинственной историей.

**** * ****

Думаю, что вы прекрасно помните загадочное исчезновение Дженни Перлин, женщины, около трех лет владевшей умами и сердцами миллионов людей, не лишенных слуха. Это событие до сих пор не дает покоя любителям детективных и мистических тайн.

Впрочем, об этом столько написано в газетах и журналах, что вряд ли мне удастся сообщить вам нечто новое и неожиданное.

Напомню только то, что непосредственно связано с моим повествованием.

У пропавшей актрисы был любимый медальон, с которым она никогда не расставалась. Украшение, о котором идет речь, не представляло бы собой ничего особенного, если бы не странная история его появления на аукционе уже после исчезновения его бывшей обладательницы…"

Дочитав до этого места, я сама себя остановила, ведь чуть ли ни с первых строк поняла, о каких событиях хочет рассказать автор этого творения. Но причем здесь я? Зачем Дэвид мне это прислал? Он что вернулся к мысли о том, что мне пора сменить профессию? Я тут же позвала Ари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.